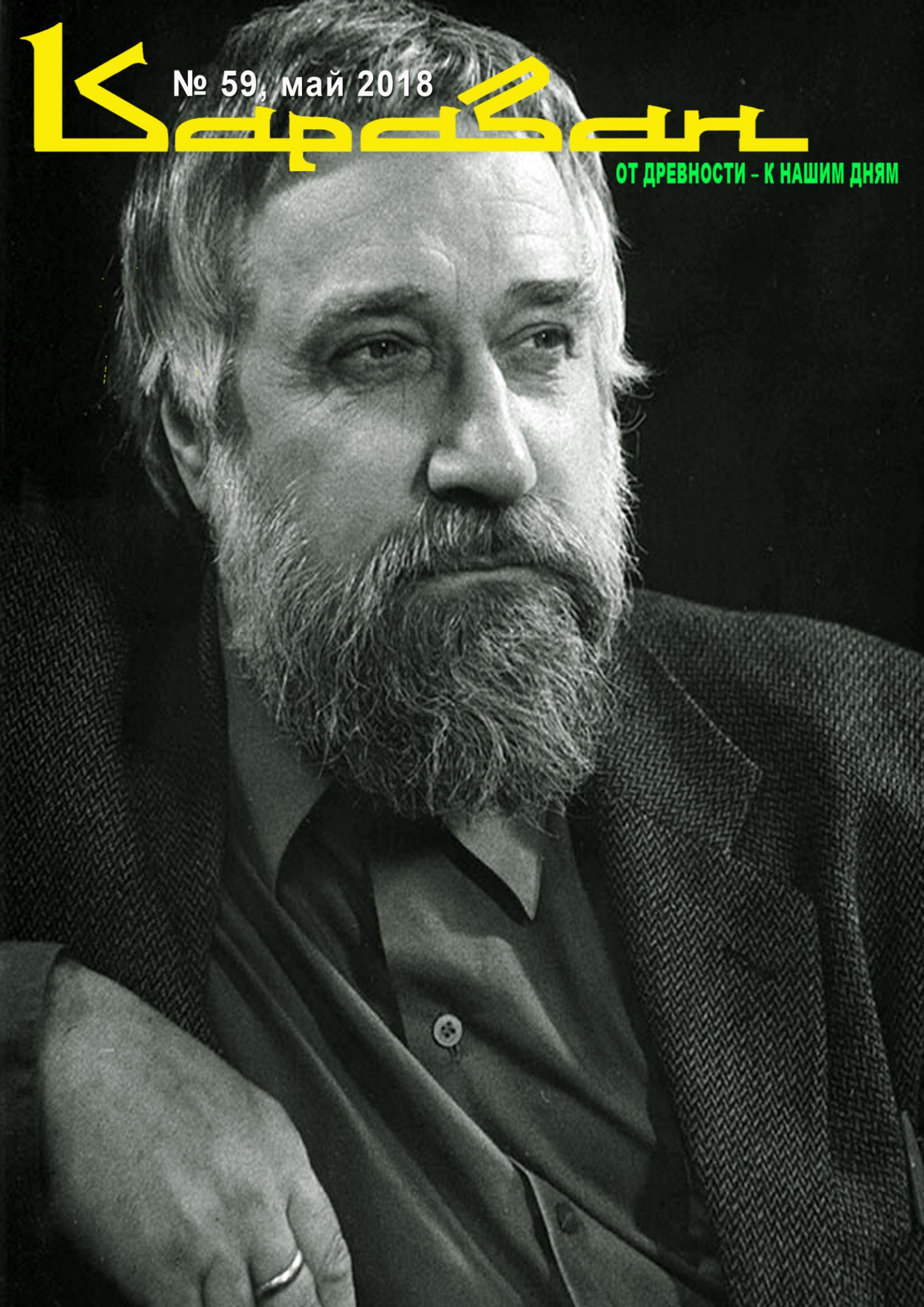

№ 59, май 2018

Караган

ОТ ДРЕВНОСТИ - К НАШИМ ДНЯМ

Во имя Бога

КАРАВАН

№ 59, май 2018

Главный редактор: Сейид Хосейн Табатабай

Редактура текстов: Наталия Толстова

Редакционный совет:

Нина Мамедова(Москва)

Алсу Арсланова (Казань)

Владимир Иванов(Москва)

Сафар Абдулло(Алматы)

Георгий Ежов (Москва)

Татьяна Никольская(Москва)

Аликбер Аликберов (Москва)

Анна Березина (Москва)

Виктория Аракелова(Ереван)

Муртазали Гаджиев(Махачкала)

Михаил Синельников (Москва)

Эрадж Боев(Нижний Новгород)

Тамара Оленич(Ростов-на-Дону)

Мохсен Шоджайи(Тегеран)

Олеся Адамовская (Санкт-Петербург)

Эхсан Шавареби(Тегеран)

Алексей Филимонов (Санкт-Петербург)

Патимат Алибекова(Махачкала)

Компьютерный набор, вёрстка и дизайн: Сейид Маджид Лариджани

Дизайна логотипа: Павел Даллакян

Email:hoseintaba@gmail.com

Материалы, публикуемые в журнале «Караван», не обязательно отражают точку зрения редакции.

Содержание

<i>Предисловие</i>	4
Знаменательные даты	5
Вспоминая Ивана Михайловича	6
Как я начала учить персидский язык	9
«НЕПРЕХОДЯЩЕЕ ЛИЦО» РОССИЙСКОЙ ИРАНИСТИКИ	12
Культура и искусство Ирана	21
Хайям-астролог и его взгляд на мир	22
М.Синельникова об Омаре Хайяме	31
ОТ ЛОЖНОЙ МУДРОСТИ БЕГИ Новые переводы стихов Имама Хомейни	34
Современный Иран	42
«Русский язык и литература в современном мире: проблемы и перспективы».....	43
О жизни и творчестве Имана Малекии.....	52
Современная литература	67
Азан в месяце Рамазан	68
Омар Хайям житие персидского поэта. пьеса для театра в 2-х действиях	73
Новые издания.	109
Новая книга по художественной керамике раннеисламской Средней Азии	110
Иранская кухня	115
Иранская сладость зульбия	116

Дорогие читатели электронного журнала «Караван»!

Я рад представить вам очередной номер нашего журнала, который, как я надеюсь, уже стал желанным гостем для всех, кто любит иранскую культуру.

К сожалению, прошедший месяц май стал временем ухода из жизни выдающегося востоковеда современности академика И.М. Стеблин-Каменского. Это огромная потеря для иранистики России и всего мира. Свои соболезнования и воспоминания об Иване Михайловиче в адрес нашего журнала прислали профессор Гарник Асатрян, доктор Мария Ген и журналист Аида Соболева, за что мы им благодарны.

По случаю отмечаемого 18 мая Дня рождения великого философа, астронома, математика и поэта Омара Хайяма Нишапури в этом номере вы найдете различные материалы о нем, включая пьесу в двух действиях «Житие Омара Хайяма», которая, мне кажется, вызовет у вас интерес.

В канун годовщины смерти имама Хомейни мы впервые публикуем в «Караване» переводы нескольких газелей, автором которых был этот великий политик и духовный лидер эпохи.

Своими размышлениями о Священном месяце Рамадан делится известный кыргызский писатель Абибилла Пазылов, лауреат премии им. Чингиза Айтматова.

Как всегда, дорогие читатели, мы ждем ваших писем, статей и материалов и рады сотрудничеству с вами!

Сейид Хоссейн Табатабайи,

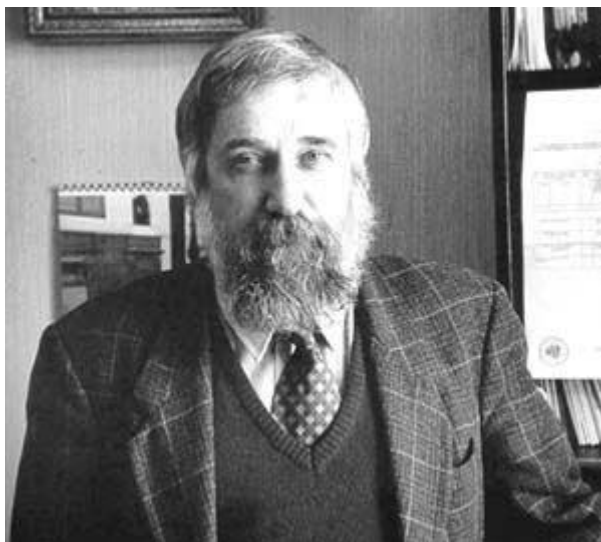
Главный редактор
электронного журнала «Караван»

Знаменательные даты

Вспоминая Ивана Михайловича

Ушел из жизни один из последних представителей русской и советской школы иранистики, человек энциклопедического склада, ученик Владимира Ароновича Лившица. Прекрасный знаток современных восточноиранских диалектов, прежде всего – ваханского, и одновременно – древнеиранских языков, в частности, авестийского. Думаю, нет смысла говорить сейчас о вкладе Ивана Михайловича Стеблин-Каменского в иранистику – об этом, не сомневаюсь, еще много будет написано. Мне же вспоминаются некоторые знаковые моменты моей жизни, связанные с Иваном Михайловичем.

Так вышло, что Иван Михайлович вошел в мою научную жизнь с самого раннего ее периода.

В начале 80-х, когда я был аспирантом Ленинградского отделения Института востоковедения (ЛО ИВАН) Академии наук

СССР, мы читали с Иваном Михайловичем авестийские фрагменты. Параллельно авестийским я занимался и с Сергеем Николаевичем Соколовым - пожалуй, лучшим авестологом своего времени, пусть и не оставившим заметного научного наследия. Однако, именно занятия с Иваном Михайловичем очень привлекали меня своей живостью и были интересны еще и тем, что мы все время обращались и к новоиранским диалектам - сфере моего особого интереса. Иван Михайлович всегда вдавался в пространные объяснения по тем или иным лексемам с подробным культурным комментарием – эдакие минилекции по истории и культуре Ирана. Он уже работал тогда над главным трудом своей жизни – «Этимологическим словарем ваханского языка».

У меня сохранился протокол моего экзамена - кандидатского минимума по специальности в аспирантуру ЛО ИВАН, написанный рукой Ивана Михайловича. Тогда он был самым молодым членом комиссии, включавшей также таких корифеев, как Иосиф Михайлович Оранский, Анаит Гергиевна Периханян и Владимир Аронович Лившиц – увы, все уже покинули сей мир. А впоследствии Иван Михайлович дважды выступал оппонентом на моих защитах – кандидатской диссертации в 1984 и докторской – в 1991.

Мы сохранили самые добрые коллегиальные отношения, и впоследствии он с готовностью отозвался на мою приглашение приехать в Ереван с циклом лекций по арийской проблеме.

Не могу не подчеркнуть еще одну сторону натуры Ивана Михайловича. Человек высоких моральных качеств, глубокой веры...

Это был настоящий русский человек, носитель православной

культуры. В свой последний приезд в Ереван он подарил мне небольшую икону Николая Чудотворца, строго-настроено наказав повесить ее в машине и молиться перед каждой дорогой.

Для меня Иван Михайлович осатется, кроме прочего, образцом того, что подлинная наука существует исключительно в рамках моральных измерений; вне этих измерений она вырождается, маргинализируется, становится тленом. Впрочем, как и все остальное, не имеющее глубокой духовной культуры в своей основе.

Гарник Асатрян,

доктор филологических наук, профессор

*Директор Института востоковедения Российско-Армянского
университета, Ереван;*

*Главный редактор международного журнала "Iran and the
Caucasus", Brill: Leiden-Boston*

Как я начала учить персидский язык

Мое знакомство с Иваном Михайловичем произошло, когда мне было 16 лет. Тогда я была слушателем Малого Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета. В течение года на занятиях по профорientации заведующие кафедр рассказывали о странах и языках Востока. Помню, что занятия начались с языков дальневосточного региона, которые интереса во мне не вызвали. А на занятиях по языкам ближневосточного региона нам рассказали об Иране, арабских странах и Турции. Про Иран рассказал декан Восточного факультета СПбГУ и заведующий кафедрой иранской филологии Иван Михайлович Стеблин-Каменский. Он с воодушевлением и любовью говорил об этой стране,

о её древней цивилизации и богатой культуре. Его слова запали мне в душу и я, не сомневаясь, поступила на кафедру иранской филологии.

Я училась у Ивана Михайловича лишь небольшой промежуток времени — на первом курсе. Он знакомил нас с основами иранской филологии, рассказывал сказки.

С тех пор я занимаюсь персидским языком. Я благодарна Ивану Михайловичу за тот рассказ об Иране.

Мария Ген,

руководитель Центра персидского языка

Культурного представительства при Посольстве ИРИ в Москве,

преподаватель Московского государственного лингвистического

университета

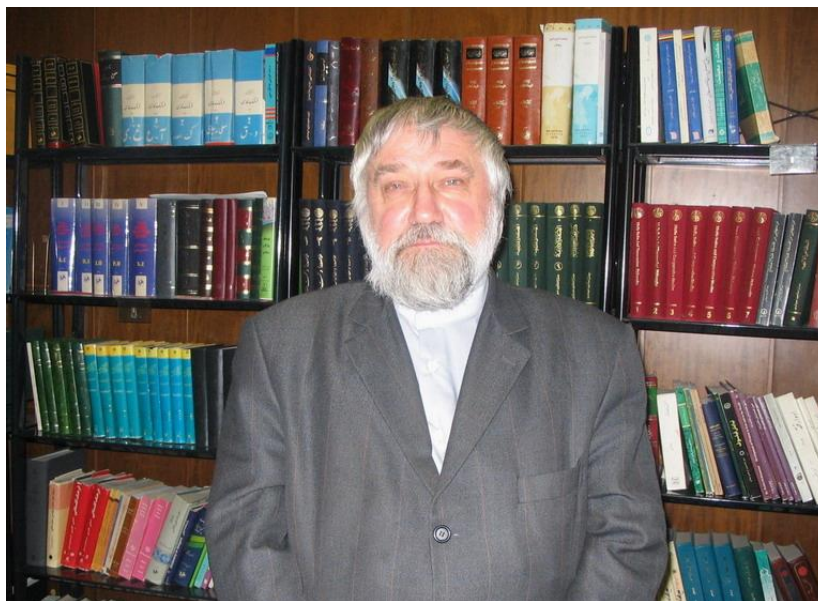
Памяти И.М. Стеблин-Каменского

Российская и мировая иранистика понесла тяжелую утрату – 3 мая 2018 года на 73-м году жизни после тяжелой продолжительной болезни не стало академика Ивана Михайловича Стеблин-Каменского, выдающегося лингвиста, специалиста в области истории и этимологии иранских языков, фольклора и этнографии иранских народов, крупнейшего знатока и переводчика Авесты. Автор более 150 опубликованных научных работ, он 10 лет был на посту декана Восточного факультета Санкт-Петербургского госуниверситета, воспитал много талантливых молодых ученых.

В январе 2006 года мне, тогда корреспонденту отдела вещания на Иран радио «Голос России», довелось взять у Ивана Михайловича интервью, опубликованное в том же году в журнале «Ирано-Славика». Я не изменила в этом тексте ни одной буквы.

«НЕПРЕХОДЯЩЕЕ ЛИЦО» РОССИЙСКОЙ ИРАНИСТИКИ

Интервью с академиком И.М.Стеблин-Каменским

В ноябре 2005 года в Тегеране проходила V международная конференция по иранистике и иранской филологии, на которую были приглашены выдающиеся ученые разных стран. Конференция так и называлась «Непреходящие лица» («Чехрехайе мандегар»). От России на этот представительный форум был приглашен академик Иван Михайлович Стеблин-Каменский. Выбор организаторов конференции был далеко не случайным.

Иван Михайлович Стеблин-Каменский, отметивший в 2005-м году свое 60-летие, всю жизнь посвятил изучению иранской культуры и распространению ее в России. В 1968 году он с отличием окончил Восточный факультет Ленинградского, ныне Санкт-Петербургского, университета по специальности «иранская

филология». На пятом курсе университета полгода работал учителем русского языка в сельской школе на Памире – в Вахане – и собирал материалы по ваханскому языку и этнографии. Участвовал в десятках археологических и этнолингвистических экспедиций на Памире, Южном Урале, Синьдзяне. В 1971 году защитил кандидатскую диссертацию на тему «Историческая фонетика ваханского языка». А в 1984 году стал доктором филологических наук, защитив диссертацию на тему «Земледельческая лексика памирских языков в сравнительно-историческом освещении». С 1991 года по настоящее время профессор Стеблин-Каменский возглавляет кафедру иранской филологии в Санкт-Петербургском государственном университете. А с 1995 года в течение 10 лет занимал должность декана Восточного факультета. Уже много лет он читает курсы классического персидского, средне- и древнеперсидского, авестийского языков, ведет спецкурсы по памирским языкам и фольклору. Профессор Стеблин-Каменский является автором около 150 опубликованных работ, среди которых «Сказки народов Памира» - перевод с памирских языков, «Сказки и легенды Систана» - комментированный перевод с персидского, «Этимологический словарь ваханского языка». В настоящее время Иван Михайлович трудится над редакцией нового перевода Авесты на русский язык.

Круг научных интересов профессора Стеблин-Каменского весьма широк. На основе своих этнолингвистических исследований он в 1982 году издал книгу «Названия культурных растений», а еще раньше написал статью «Флора иранской прародины». Надо сказать, что мало кто из российских ученых готовит плов лучше академика Стеблин-Каменского, который до тонкости разбирается не только в

лингвистических, но и в кулинарных особенностях памирских пряностей и трав. Кроме того, Иван Михайлович пишет замечательные и очень философичные стихи, у него есть стихотворные переводы газелей Хафиза и имама Хомейни.

Неудивительно, что при такой энергетике профессор Стеблин-Каменский является отцом большого семейства, в котором выросли три сына и две дочери.

Найти время для бесед с журналистами Ивану Михайловичу чрезвычайно трудно. Давая интервью на персидском языке для иранского отдела радио «Голос России», Иван Михайлович украдкой поглядывал на врученные ему в Тегеране швейцарские часы, так как боялся опоздать на очередное заседание в Институте языкознания РАН, на которое он специально приехал в Москву из Петербурга. Ниже мы приводим текст этого интервью.

– Иван Михайлович, почему вы выбрали своей профессией иранистику, иранскую филологию?

- Дело в том, что я происхожу из семьи известного лингвиста – Михаила Стеблин-Каменского, который оставил заметный след в науке своими трудами по скандинавоведению и скандинавским языкам. В годы своей школьной юности я начал изучать разные языки – такие как латинский, английский, немецкий. Другом моего отца был знаменитый профессор Болдырев, под руководством которого я еще в школьные годы начал изучать персидский и арабский. Но персидский мне нравился больше, особенно язык персидской классической поэзии. Я решил сделать его своей специальностью. А поступив в университет, я стал изучать не только современный литературный

персидский язык, но и другие иранские языки, такие как среднеперсидский, древнеперсидский, авестийский.

– Вам не кажется, что российская иранистика занимает в мире особое место?

- Да, это так. Российское востоковедение – совершенно другое, чем европейское. Потому что в России востоковедение – это не просто наука. По гениальному высказыванию Владимира Соловьева, «Россия – это мост между безбожным человеком Запада и бесчеловечным богом Востока». Мы с Ираном всегда были соседями на стыке Европы и Азии. Существуют очень давние заимствования и общие корни между арийцами и славянами. Многие персидские слова прочно вошли в лексикон русскоязычного человека. Даже слово «Бог» иранского происхождения. Из древнеперсидского заимствованы такие слова как «собака» и «рай». Из заимствований нового времени – «парча», «бахча», «сарафан», «базар», «чемодан». Многие новые заимствования проникали в русский через тюркские языки, например, через татарский. Это такие слова, как «изъян», «сундук», «казна» и еще очень много слов.

Иранистика в России всегда сосуществовала с изучением персидского языка. Со времен Петра Первого изучение персидского языка в России было взято под государственный контроль. В Санкт-Петербурге его изучают уже почти триста лет. В университете Санкт-Петербурга с момента основания начали преподавать арабский и персидский. Классический персидский преподают сейчас во многих университетах России, но Санкт-Петербургский университет всегда славился тем, что здесь читаются курсы по историческому развитию языка, ведется углубленное изучение средне- и древнеперсидского

языка. Недостатка в студентах никогда не было, так как у России давние связи с Ираном, с Афганистаном, Таджикистаном. В библиотеках Санкт-Петербурга имеются богатейшие коллекции персидских рукописей, а в Эрмитаже хранится самая большая в мире коллекция сасанидского серебра. Поэтому в северной столице России всегда будут востребованы специалисты по иранской культуре и со знанием персидского языка. Однако вынужден заметить, что нынешнее поколение студентов весьма прагматично. Все хотят идти в бизнес. А так как бизнес с Ираном для российских предпринимателей пока не самый прибыльный, студенты Восточного факультета чаще стремятся овладеть китайским и японским языками.

- Кто-нибудь из Ваших детей пошел в иранистику?

- Нет. У них свой собственный путь. Старшая дочь профессионально занимается иконописью, старший сын получил степень бакалавра теологии, в совершенстве владеет английским. Средний сын стал программистом. Еще одна дочь пошла по стопам деда – заканчивает скандинавское отделение Петербургского университета. Младший сын еще школьник, но уже изучает японский.

- Мне говорили, что в Вашем роду был тот самый Муравьев, благодаря которому на берегах Невы появились знаменитые древние сфинксы. Это так?

- Этот Муравьев был предком моей жены, репатриантки из рода Муравьевых. А свою родословную я проследил с середины 18-го века. Род Стеблин Каменских происходит с Украины, из-под Полтавы. Это шляхетский род, из дворян Каминских. У нас сохранился герб «стрела и подкова» – вот он на визитке. Один из моих предков был писатель, друг известного писателя Котляревского, который написал

его биографию. Среди моих предков больше всего было преподавателей. Мой прапрадед был директором знаменитого Нежинского лицея на Украине. Один из предков был Вильнюсским гражданским губернатором. Двоюродный брат моего отца - Иван Егорьевич Стеблин-Каменский - был морским офицером. Уже после революции он стал священником, участвовал активно в церковной жизни, за что был сослан на Соловки и, в конце концов, в 1930 году расстрелян. На одном из последних архиерейских соборов он был причислен к числу новомучеников, и теперь во всех святцах 2 августа отмечается день его памяти. Сестра моего отца в свое время служила в Петроградском женском батальоне, потом эмигрировала, умерла во Франции. Но среди моих предков были и революционеры - народовольцы. Это Ростислав Стеблин-Каменский. Он упоминается в Большой Советской Энциклопедии. В 80-е годы 19-го века он активно боролся с царизмом, несмотря на то, что его отец был полицмейстером в Полтаве. А вот сын был революционером, был сослан в Якутию и там уже на поселении занимался этнографией, изучал жизнь и язык якутов. Но я считаю, что самым знаменитым Стеблин-Каменским все-таки был мой отец, который перевел на русский язык скандинавский эпос «Старшую Эдду», «Младшую Эдду», написал грамматику норвежского языка и массу других книг.

- Вы занимаетесь не только живыми, но и мертвыми языками – древнеперсидским, бактрийским, авестийским. Такие уж мертвые эти языки или у них есть какая-то своя жизнь?

- Некоторые языки дошли до нас только в каких-то текстах, иногда очень фрагментарных. Например, бактрийский язык до недавнего времени был представлен только несколькими небольшими

надписями. Тем не менее, потребовалось описание его грамматики, что я и сделал.

А авестийский язык – хотя и считается мертвым, но это язык религии, язык зороастризма. И в наши дни на этом языке при богослужении провозглашаются тексты, молитвы. Смысла этих молитв их произносящие не могут понимать точно, даже ученые расходятся в их толковании. В отличие от молитв на церковнославянском, латинском языке или на арабском языке Корана, авестийский язык утрачен очень давно и передавался только в устной традиции. Кстати, некоторые сомневаются, как это можно молиться и не понимать, что ты говоришь. Я хочу сказать, что это даже лучше, потому что Бог смотрит не на слова, а в сердце человека.

Авеста, как и многие другие священные книги, очень разновременна и разноместна по своему происхождению. Древнейшие тексты относятся к рубежу 2-го и 1-го тысячелетия до нашей эры. То есть древнейшие тексты были сложены примерно 3 тысячи лет и передавались устно на протяжении полутора тысяч лет. Впервые Авеста была записана в III-IV веке нашей эры. Самые древние рукописи Авесты – это XIII век нашей эры. Поэтому авестийские тексты, особенно гаты Заратуштры, это самые сложные тексты в индоевропейской филологии для понимания. У меня опубликованы первые переводы гат.

В Душанбе вышли мои «Избранные гимны Авесты» и в 1993 году в Москве вышел частичный перевод гимнов и Видевдавт. Есть книга «Авеста» в русских переводах, где также представлены мои переводы, последнее издание в 2002 году. Практически мной сейчас переведено больше половины Авесты. Она больше по объему,

чем Коран, но меньше Библии. Я надеюсь ее довершить. Сейчас я продолжаю готовить к изданию полный комментированный перевод «Авесты».

- Какие-нибудь мысли, высказанные в Авесте, Вам кажутся актуальными в наше время?

- Конечно, проповедь Заратуштры оказала огромное влияние на человечество, на все нынешние мировые религии – на христианство, на ислам, на буддизм. Почему так мало осталось зороастрийцев – несколько сот тысяч человек? Потому что в зороастризме была вера в приходящих спасителей человечества. И каждый раз, когда появлялся новый пророк, новый спаситель, последователи Заратуштры обращались в эту новую веру, привнося в нее свои доктрины, какие-то обычаи и обряды. Например, обычай пятикратной молитвы в исламе идет из зороастризма. Три волхва, которые пришли к колыбели новорожденного Иисуса, были не кто иные, как зороастрийские маги, «сыновья Заратуштры». Их изображают как юношу, взрослого мужчину и старика, символизирующих три возраста человека.

Ранее христианство вообще соперничало с зороастризмом в первые века нашей эры, в том числе и на территории нынешнего Ирана. Поэтому у нас многие святые носят персидские имена. Достаточно почитать святцы, там часто встречается пометка «перс.». От Заратуштры, который проповедовал, что все дела и слова человека будут взвешены, идет идея о посмертном наказании души человека. В литургическом плане от зороастризма идет и обряд евхаристии – благословение вином и хлебом – правда, там вино заменено хаомой. Слово «хаома» произошло от древнеиндийского «сома», это не

опьяняющий, а тонизирующий, возбуждающий напиток, который вдохновлял поэтов и бойцов. Нынешние зороастрийцы полностью утратили рецепт его приготовления. Есть сведения, что туда добавлялся сок горного растения «эфедра», из которого сейчас делают лекарство эфедрин. Существует гипотеза, высказанная одним американским ботаником, что когда-то в самые древние времена, когда арии соседствовали с угро-финнами в лесостепной зоне, они делали этот напиток из мухомора.

Работая над переводами Авесты, я открыл для себя очень много нового, даже в тех вещах, которые мне казались давным-давно знакомыми. Уже пятый раз переиздается сборник переводов Авесты, но эта работа еще для многих поколений ученых разных стран.

Помимо переводов Авесты, я сейчас веду четырех аспирантов. Все они пишут работы по памирским языкам. Один сегодня защищается...

Материал подготовила специальный корреспондент
радио «Голос России» Аида Соболева. 26.01.2006

Культура и искусство Ирана

Наталья Молохова

Хайям-астролог и его взгляд на мир

Омар Хайям – многогранная личность, каждая грань которой – талант – блистает своим неповторимым светом; это алмаз-самородок иранской земли, который, сделав «познание своим ремеслом», превратился в один из самых красивейших бриллиантов Ирана,

примкнув к плеяде величайших персидских учёных, философов и поэтов.

Имам Хорасана, Учёнейший муж века, Доказательство Истины, Знаток греческой науки, Царь философов Востока и Запада, а также выдающийся математик, астроном, астролог, врач, философ, поэт, устроитель и руководитель Исфаханской астрономической обсерватории, и, конечно же, бессменный надим¹ (советник) султана Малик-шаха, занимавший этот высокий пост в течение 18 лет (!), – вот далеко не полный перечень почётных титулов и занятий Омара Хайяма в зените его славы.

Разве можно рассмотреть все эти «границы таланта» за какие-то несколько минут выступления? Конечно же, нет. Можно, разве что задуматься об этом и задаться вопросами: кем был Хайям, о чём думал, как мыслил? Почему мыслил именно так, а не иначе? Что лежало у истоков знаний этого человека, и каким образом проходило его познание мира?

Как рациональное, научное знание о мире сочеталось в нём с духовным миропониманием, не противореча, а дополняя друг друга? Зачем математику поэзия, и что дала поэту математика? Почему им был выбран именно стиль рубайи – столь ёмкий и лаконичный?

Наконец, почему в его стихах так много рассуждений о Времени, его неумолимом беге, скоротечности и необратимости, о ценности каждого мгновенья, как и размышлений о земном мире и окружающем этот мир величественном Небосводе, а также о «венце творения» – Человеке, его предназначении и судьбе, неизбежном роке и свободном выборе?

¹ *Надим* – доверительное лицо шаха, друг, мудрец, учёный в разных областях знаний, самый уважаемый человек в свите шаха.

Каждый из исследователей Хайяма по-своему отвечает на эти вопросы, в зависимости от образования и пройденных собственных путей познания мира. И каждый по-своему прав.

Автор данной статьи предлагает взглянуть на Хайяма, как на астролога, который, будучи главным дворцовым советником, довольно долгое время жил при дворе уважавшего его и покровительствовавшего ему сельджукского правителя Малик-шаха. Однако заметим, что речь идёт не о «бульварной астрологии с её псевдо-прогнозами», а о древнеперсидском Учении, как одном из путей познания Мира, которым владел не только Хайям, но и многие великие до и после него – Бируни, Фараби. Ибн Сина, Хорезми, Балхи, Туси и другие. Учении, известном ещё с до-ахеменидских времён, и согласно которому, каждый человек, в зависимости от его гороскопа, обладает не только определёнными личностными качествами и способностями, но и многовариантностью Судьбы, воплощение которой зависит от личных усилий самого Человека и его свободного выбора.

Слава Хайяма, как профессионального астролога, наделённого особым даром этого тайнознания, была очень велика. Ещё до его появления при дворе Малик-шаха о нём знали, *как о высшем авторитете среди астрологов*. При этом отмечено, что Хайям, как астролог шаха, выступал исключительно, как его советник, и никогда не вмешивался в дела государственные и политические, никогда не писал хвалебных од правителю и не был придворным льстецом, ожидавшим от своего покровителя милостей и подачек.

Хайям был *открыт для общения с любыми учёными и религиозными деятелями*, но независим от них в своих мыслях. За

ним нередко шпионили, и время от времени его жизни угрожала опасность, но никто и никогда не осмелился поднять на него руку. Для многих было не понятно, *какой же он веры, и верит ли он в Бога вообще?*

Это был человек *абсолютно самодостаточный*, гордый и независимый, исполненный чести и достоинства, свободный от каких бы то ни было установок, идущий своей дорогой, своим собственным путём в полном одиночестве. Постигший знания, одарённый талантом и мудростью, он, скорее, наблюдал за жизнью, нежели противился ей. И на все превратности Судьбы отвечал своим метким и кратким стихом. Это был человек, при появлении которого на людях восхищённая толпа отступала со словами: *«Идёт Учитель!»*

Во времена Хайяма *астрономия была неразрывно связана с астрологией*, которая входила в число наук особой важности и практической необходимости. Наиболее ярким примером этого может служить *«Книга для изучения начал искусства астрологии» крупнейшего персидского энциклопедиста Абу Рейхана Бируни*, в которой одновременно рассматриваются, как астрономические, так и астрологические вопросы. Не разделял астрономию с астрологией и *астролог-астроном Омар Хайям*, чему свидетельством его трактат *«Ноуруз-наме»*, составленные им *«Астрономические таблицы»* и разработанная *«Календарная реформа»*. Тем более что астрологическое знание, которому следовал Хайям, имело, как минимум, полуторатысячелетнюю историю и было проверено Временем.

Вот почему *в поэтическом творчестве Хайяма* целый цикл астрологических пассажей отражает *воздействие Неба на Землю*, буквально экранируя его влияние:

*От земной глубины до далёких планет
Мирозданья загадкам нашёл я ответ.
От зенита Сатурна до чрева Земли
Тайны мира своё толкованье нашли.
Я распутал все петли вблизи и вдали...*

Как и:

*Небесный круг, ты – наш извечный супостат!..
Не одерживал смертный над Небом побед!..
О, ты, пребывающий во власти четырёх и семи!..*

Под четырьмя здесь имеются в виду четыре первоэлемента – огонь, земля, воздух и вода; а под семью – Септенер: Солнце, Луна, Меркурий, Венера, Марс, Юпитер и Сатурн.

По этой же причине *в поэтическом творчестве Хайяма* целый цикл стихов посвящён *древнеперсидскому сакральному Учению о Времени* и находящемуся в его власти *величественному Небосводу*, определяющему земные судьбы государств и людей:

*В день, когда оседлали Небес скакуна,
Когда дали созвездиям их имена,
Когда все наши судьбы вписали в скрижали –*

Мы покорными стали. Не наша вина!

Или:

Как изумляет нас кружение Небес!

Загадками полно движение Небес,

Идёт во все дела вторжение Небес,

Но как обжалуешь решение Небес!

При этом **Время** выступает могущественнее даже таких творений, как **Добро** и **Зло**, что указывает на **первичность Времени в истории творения этого Мира:**

Для того, кто за внешностью видит нутро,

Зло с Добром – словно золото и серебро.

Ибо то и другое – даётся на Время,

Ибо кончатся скоро и Зло, и Добро.

Указывает Хайям и на **причинно-следственные связи происходящих во Времени деяний**, известные в астрологическом учении, как **Закон кармического возмездия и воздаяния:**

Не делай зла – вернётся бумерангом,

Не плюй в колодец – будешь воду пить,

Не оскорбляй того, кто ниже рангом,

А вдруг придётся что-нибудь просить.

Не предавай друзей – их не заменишь,

И не теряй любимых – не вернёшь,

*Не лги себе – со Временем проверишь,
Что этой ложью сам себя ты предаёшь.*

Владея древнейшим на земле знанием, Хайям **призывает Человека не перекладывать тяготы своей Судьбы на скрижали Небес**, а пытаться самому изменить свою жизнь к лучшему, прилагая личные усилия и совершая выбор в сторону добра. И тем самым побеждая злой рок:

*Ответственность за то, что краток жизни сон,
Что ты отрадою земною обделён,
На бирюзовый свод не возлагай угрюмо:
Поистине тебя беспомощнее он!*

То есть **Человек**, хоть и зависим от **Судьбы**, но волен выбирать – принять её, как Крест, и прожить достойно, невзирая на все тяготы, или же, сетуя на злой рок, влачить жалкое существование. И призывает – **беречь Время, как самую великую ценность на Земле**:

*Эту жизнь тебе дали всего лишь на Время –
Постарайся же Времени не упустить!*

*Кто понял Жизнь, тот больше не спешит,
Смакует каждый миг и наблюдает –
Как спит ребёнок, молится старик,
Как дождь идёт, и как снежинка тает...*

Согласно Хайяму, мистическая, тотальная **целостность мига** – это то же самое по сути, что и **целостность вечности**, ибо **вечность прячется в точке мига**:

Ты скажешь, эта жизнь – одно мгновенье!

Её цени, в ней чернай вдохновенье.

Как проведёшь её, так и пройдёт,

Не забывай: она – твоё творенье!

В то же время **миг** – **символ свободы человеческого духа**. Свободным нельзя быть завтра, или послезавтра, **свободным можно и нужно быть здесь и сейчас**, каждый миг своего существования; и эту свободу даёт понимание сути своей Судьбы, как жизненного пути.

Жизнь, по Хайяму, – это река переплетённых мгновений, и каждое из них человек должен пройти, осознать и испытать сполна. **Жизнь, по Хайяму**, – это умение по-настоящему ощущать и ценить Время, каждый миг дарованной нам жизни, сделать его как можно более радостным и пьянящим. При этом Хайям чётко разделяет добро и зло, как свет и тьму этого мира. Но своё миропонимание никому не навязывает. Хайям не поучает, Хайям размышляет.

Как человек мысляще-ищущий, соприкоснувшийся с древнеперсидским Учением о Мире и Времени, **Омар Хайям** задавал себе сотни вопросов, касающихся сути Мироздания и всего происходящего в нём, но не всегда находил на них ответы, понимая Бесконечность познания.

Он был человеком верующим, хотя и по-своему видевшим Бога, который проявлял себя не в постоянной гармонии любви и мира, не в постоянном всемогуществе и абсолютной целенаправленности, а как беспредельная загадка и вечный вызов. Всё это и нашло своё отражение в литературном творчестве гениального персидского поэта-астролога.

Не желая открывать тайны обретенных им знаний, а порой и не имея возможности до конца разгадать эти тайны, Хайям сокрушался в своём смятении:

*Откуда мы пришли? Куда свой путь вершим?
В чём нашей жизни смысл? Он нам не постижим.
Как много чистых душ под Колесом лазурным
Сгорает в пепел, в прах, а где скажите, дым?..*

*Мы для плоти Вселенной, душа – её суть,
Мы – кому в её тайны дано заглянуть.
Присмотрись – лучше нас ничего в мире нет,
Мы связуем миры, между ними – наш путь!*

Возможно, когда-нибудь в будущем, мир прочтёт подлинные стихи поэта-астролога, приверженца древнеперсидских знаний, и откроет для себя нового Хайяма!

М.Синельникова об Омаре Хайяме

В пятницу 1030 лет ОМАРУ ХАЙЯМУ. Пожалуй, самому известному поэту в мире. Между тем в грандиозной поэзии, созданной на божественном языке фарси он - где-то во втором ряду классиков(да и в этот ряд, видимо, попал лишь с учетом его всемирной славы). Существуют в поэзии великие стихотворные повести, а также великолепные собрания касид, газелей, кыта... Четверостишия кажутся более легковесными, мимолетными. Но вот эти мимолетность и легковесность пережили тысячелетие и врезались в память поколений. Они жизненно необходимы... Между прочим, подлинных немного и уж вряд ли более двухсот. Но с веками прибавилось немало! Пожалуй, Хайям в конечном счёте - коллективный гений народа-языкотворца, народа-стихотворца.. И в то же время - замечательное реальное, историческое лицо. Интересующихся реальной биографией отсылаю прежде всего к чудесному сочинению Низами Самарканди. Страницы, посвященные Омару Хайяму, принадлежат на мой взгляд, к самым волнующим и прекрасным в мировой литературе.

Выставлять портрет бессмысленно. Он условен. Все эти благородные лики восточных старцев в чалмах взаимозаменяемы...

Как сказал Мандельштам, переводчик - "могучий истолкователь автора". Истолкователей было немало. Мне пришлось составить для русских читателей два сборника Хайяма, состоящие из разных переводов и предваренные особыми предисловиями. Мой итоговый вывод: лучшими, прекраснейшими остаются(и, должно быть, останутся) переводы Ивана Тхоржевского, добавившего к восточной мудрости воздух русского Серебряного века. Заслуживают внимания

также по-своему блестящие переложения Германа Плисецкого, выполненные сильным, жестким, рубленным стихом. Все же некоторые важные оттенки в них утрачены (впрочем, как с горечью заметил один из лучших русских переводчиков поэзии М.Л. Лозинский: "Перевод - искусство потерь"). Близки по уровню к переводам Плисецкого и, пожалуй, неотличимы от них переводы ленинградца Глеба Семенов, но их немного. Это всё.

Высоко ценя работу названных мастеров, я не имел в виду соперничать с ними (во всяком случае, вступать в состязание именно на поле Хайяма). Но составляя нечто вроде собственной переводной антологии из персо-таджиков, не мог миновать этого милого сердцу автора. Ниже следуют два перевода. А также два своих стихотворения.

Омар ХАЙЯМ

* * *

Будь весел, ведь страданиям нет конца,
Ведь звездам, их свиданиям нет конца,
И вылепят кирпич из этой плоти
И вмажут в стену дома иль дворца.

* * *

Рука — на кубке, а в другой — Коран!
То — добродетель, то — грехов дурман.
Нет среди нас под сводом бирюзовым
Кафиров полных, твердых мусульман.
Перевод М. Синельникова

Михаил СИНЕЛЬНИКОВ

На краю базара

“Я так любила их! — сказала Гульрухсор, -
Всегда старательны, ни гадостей, ни ссор!
И вот уехали, и это было горе...
Но, знаешь, все вернутся в добрый час,
Ведь в Тегеране сказано не раз,
Что их страна сотрется с карты вскоре”.
А между тем уже клубил гармсилль
Сухую, выжженную, мыслящую пыль,
И на краю базара
Посуду продавали... Был один,
Как будто улыбнувшийся кувшин
Из праха незабвенного Омара.

2011

Омар Хайям

- С кем шутишь ты, кого с усмешкой молишь,
Четвёртый выговаривая стих?
Омар Хайям! Одиннадцать всего лишь
Четверостиший подлинных твоих!
Что ж остальное? Подражая, споря,
Пронзив тысячелетие насквозь,
Как вещей ропот мыслящего моря,
Из устной речи в рукопись влилось.
Шло отовсюду с грустью сладкогласой,
И в общей чаше, стёртой по краям,
Несло неверье покорённой расы
И силу веры. Это был Хайям.

25 апреля 2018

Геннадий Литвинцев

ОТ ЛОЖНОЙ МУДРОСТИ БЕГИ

Новые переводы стихов Имама Хомейни

Говорят, в Иране каждый второй житель поэт или почитатель поэзии. От века в этой стране богословие и философия, астрономия и медицина, государственное управление и природоведение неотделимы от стихосложения, развивались и выражались в поэтической форме. И в настоящее время стихами классиков персидской поэзии расцвечиваются выступления депутатов меджлиса и статьи ученых, проповеди богослужителей и телевизионные репортажи. Газелями Хафиза объясняются в любви, а притчами Руми разрешаются правовые и имущественные споры.

Вот и основатель Исламской Республики Иран Имам Хомейни оставил поэтические произведения, набросанные в минуты отдыха от государственной и религиозно-философской деятельности. Говорят, он не собирался публиковать их и относился к ним как к духовным упражнениям, медитациям, традиционным для иранских мыслителей. Сборник стихов «Вино любви» («Баде-йе эшк»), собранный воедино невесткой имама Фатимой, увидел свет в 1989 году, после смерти автора. Впоследствии был издан более полный «Диван Имама» («диван» на фарси означает «собрание»).

Сам Рухолла Мостафави Мусави Хомейни отзывался о своих стихотворных опытах как о «жалких подражаниях» великим мастерам классической персидской поэзии. Однако это – мнение автора.

Поэтическое наследие Хомейни заслуживает пристального внимания уже потому, что лирика по своей природе является самым чутким отражением человеческой души, в этом смысле с ней не сравнится ни богословие, ни философия, ни тем более политическая деятельность. Недаром все великие духовные учения передавались в образном, поэтическом изложении, отражающем живую стихию духа, еще не застывшую в строгой рациональной форме. Хотя тех, кто надеется найти в стихах Хомейни биографические и исторические обстоятельства жизни и деятельности автора, боюсь, ждет разочарование. В его «Диване» есть, конечно, поэтически зашифрованные намеки на политическую ситуацию, строки, навеянные некоторыми событиями, обращенные к родным, посвященные памяти сподвижников. Но не они определяют суть его лирики.

Восток, как известно, дело тонкое, открывается он не сразу. Вот и стихи Хомейни поначалу малопонятны – то кажутся слишком простыми, даже наивными, то излишне замысловатыми, перегруженными образами и смыслами. Возможно, кого-то удивит то, что под пером главы религиозной конфессии, строго осуждающей спиртные напитки, воспевается винопитие; что в стихах аскета, предписавшего женщинам-иранкам скромность, целомудрие и внешнюю закрытость, звучат призывы лирического персонажа к объятиям и поцелуям – но этому находится объяснение в поэтической традиции Ирана. Надо знать, что поэзия имама глубоко символична, и за образами земной красоты, любви и вина открываются иные горизонты и глубины, философское постижение Бога, сущности бытия и смерти.

Таким образом, лирика Имама Хомейни показывает совершенные образцы связей между мирскими и сакральными идеями. Озаренный видением совершенной красоты, поэт, описывая свои любовные переживания, создавал произведения, отражавшие это чудо в небольших сверкающих, преломляющих свет фрагментах. Собранные воедино, они являют истинное сияние этой победоносной красоты. И, надо признать, никакой перевод не может отразить сложную игру блистательных символов, угадываемую за каждым словом, полустихием или стихом. Даже самое «земное» стихотворение, с бытовыми штрихами, удивляющее неподготовленного читателя нарочитой профанацией некоторых коранических слов и смыслов, обретает у Имама отчетливый «религиозный» оттенок. Так бассейн во дворе мечети, отражая строение, умножает его красоту волшебным эффектом ряби или зеленоватым оттенком воды.

Пользуясь подстрочником, предоставленным Иранским культурным центром в Москве, ещё в 2010 году я решился перевести на русский язык несколько избранных газелей из книги «Баде-йе эшк». Переводы были опубликованы, а затем перепечатаны во множестве русскоязычных изданий в России и за рубежом, что говорит об огромном интересе к личности и творчеству Хомейни. В этом году мне захотелось продолжить опыт вхождения в поэтический мир неординарного человека. Предлагаю новые переводы стихов Имама.

ГОРОДСКАЯ СЛАВА

Я стал посмешищем молвы, для сплетников халвой.
Все говорят, что я ослеп, что ты играешь мной.

Играй как хочешь, от себя ты только не гони.
Меня ты вытолкаешь в дверь – войду к тебе другой.

Мне опостытели дела, ученый разговор.
Перед сияньем глаз твоих все мнится ерундой.

Да, спятил я, но от врачей мне помощь не нужна.
Не променяю я болезнь на мудрость и покой.

Брожу по городу без сна, ищу к тебе тропу.
Друзья нетрезвые шумят, их окружен толпой.

Всё, чем богат был, потерял, утратил стыд и ум.
Но только позови меня – предстану пред тобой!

ЖЕЛАНИЯ ВЕСНЫ

Я там же, где всегда, у погребка,
Любовью полон, не похож на старика.

Когда сады цветут – какая старость!
Забудь про осень, до неё века.

А нынче в небе кружится, легка.

Ненастный ветер улетел на север

И благодатный дождь омыл луга.

Покров падёт – и лик красы весенней

Пройдёт, слепящий, будто облака.

ОТ ЛОЖНОЙ МУДРОСТИ БЕГИ

С кабацким владыкой старинный у нас уговор.

Ведь я завсегдай его погребка с давних пор.

Вижу я, что друзья за вином здесь встречают весну.

Как отстану от них? На голову ляжет позор.

Луноликих красавиц не в силах я сторониться в саду!

Вот спешу, чтоб услышать волшебный их хор.

Жаль мне дервишей, показную не чту нищету.

Даровал Бог для жизни блистающий солнцем простор.

Шейх в лохмотья оделся – к чему он зовёт, лицемер?

В одеянье любимой цветов парчовых ковёр.

Смысла нет в поученьях не любящих свет.

Без сияния глаз Твоих дороги и я б не нашёл.

Я с любимой сбежал от всех мудрецов в погребок,
Чтоб не слышать, не знать суетливой молвы приговор.

В ТОСКЕ ПО ЛЮБИМОЙ

В горячей тоске мечусь я, как ветер пустыни.
Мир бесцветен и чужд, если нет тебя ныне.

Сад иссох, смолкли птицы, цветы приуныли.
Вдали от любимой дыхание горше полыни.

Лицо твое – солнце. И вот оно скрылось за горы.
Как рассвета дождаться, если сердце остынет?

Покоя мне нет, невольник я пред судьбою.
Щеки твоей родинка путь мне покажет в пустыне.

Пылью лечь у порога, слезами ступени омыть –
Вот о чем я мечтаю, когда любовь в мою душу нахлынет.

Путь я ей преградил, как разбойник, стерегущий добычу в долине.
Жизнь моя на исходе, а не встретил её и поныне.

УТРО НЕВЕСТЫ

С тобою были мы вдвоем. Ночь коротка в раю!
Вчера невестой назвалась. Не пожалей, молю!

Мы ночь в объятьях провели. А что нам день сулит?
Как скоротать, чтобы ладонь не отпускать твою?

О, после уст твоих и рук рассвет жестокосерд.
Убрав завесу, вскрыв окно, пускаю я змею.

Эй, муэдзин, повремени! Прикончи петуха!
За голову его дурную я сто монет даю.

И шум молвы, и славы гром, хула и похвала –
Ничто меня не привлечет. На том стою.

Шираз подарят – не возьму. Зачем он без тебя?
И шахский трон не нужен мне, его я не ценю.

Индийцем все меня зовут. Из сказочной страны
Вернулся я, чтоб повстречать тебя, судьбу мою!

ПРИБЛИЖЕНИЕ ДРУГА

Как к матери дитя, привязаны мы пуповиной
К Нему, кто жизнь творит, кто нас создал из глины.

Прекрасный лик Его мы видим сквозь сиянье.
Готовы жизнь отдать за дружбы миг единый.

Приблизиться к Нему пытаемся попойкой.
Но в чаше видим дно – и горек хмель полынный.

Цветущий сад, поющий дол струится ароматом.
И в этом тоже Он, любви наш друг старинный.

Сияющая красота миров не знает помраченья.
Не в силах выразить её стихов напев невинный.

Познать не можем бытия ни цели, ни причины.
Способны лишь внимать Ему с восторгом беспричинным.

Современный Иран

«Русский язык и литература в современном мире:
проблемы и перспективы»

Такова была тема *II Международного форума Иранской ассоциации русского языка и литературы* <http://www.iarll.ir>, который проходил в Тегеране с 8 по 10 мая 2018 года. Три дня подряд в самом центре иранской столицы звучал исключительно русский язык, на котором читали свои доклады филологи и лингвисты из Ирана, Белоруссии, Украины, Грузии, Литвы, Казахстана, Таджикистана, Польши, Болгарии и Хорватии. И, конечно же, приехали представители университетов и научных центров России – из Москвы, Санкт-Петербурга, Ростова-на-Дону, Екатеринбурга, Магнитогорска и Рыбинска. В зале собрались студенты и преподаватели иранских университетов, где изучают русский язык. Сейчас в Иране 11 таких вузов, но в ближайшие годы их число, возможно, увеличится.

Форум открыл профессор **Хосейн-Али Гобад**, директор Института гуманитарных и культурных исследований, крупнейшего научного

центра на Ближнем Востоке, в здании которого и проходили заседания. Приветствуя участников форума, доктор Гобади выразил надежду, что эта встреча станет предпосылкой для углубления сотрудничества между учеными представленных здесь стран и Ирана, цивилизация которого насчитывает более 7 тысяч лет и который всегда выступал знаменосцем мира и дружбы между народами, о чем свидетельствует великая иранская литература.

Затем выступил профессор Тегеранского университета **Джаноллах Карими-Мотаххар**, председатель Иранской ассоциации русского языка и литературы:

– Дорогие друзья, уважаемые гости и участники конференции! Добро пожаловать в нашу историческую страну, в город Тегеран! Эта конференция для нас особая. Во-первых, она вторая по своему масштабу в области русского языка и литературы в Иране. Первая

была проведена в 2014 году, а вторую сегодня мы проводим здесь – в Институте гуманитарных и культурных исследований Ирана.

Я считаю очень важным, что на таких конференциях собираются специалисты разных стран, разных университетов. И есть возможность послушать о проблемах и достижениях, обменяться опытом, познакомиться с разными специалистами. И поэтому я хотел бы выразить искреннюю благодарность тем людям и организациям, которые создали нам такую возможность. Мы надеемся проводить продолжение этой конференции в последующие годы в других иранских университетах, в которых есть кафедра русского языка и литературы.

В связи с быстрыми темпами развития в различных областях ирано-российских отношений после Исламской революции, с каждым днем в Иране всё увеличивается количество людей, интересующихся изучением русского языка и литературы. Чувствуется нужда в расширении возможностей для обучения русскому языку. Русский язык является одним из языков, потребность в изучении которого в Иране возрастает с каждым днем с учетом сложившихся экономических, политических и культурных интересов.

Преподавание русского языка в Тегеранском университете осуществляется более 80 лет. Русский язык стал одним из первых предметов, который начал преподаваться одновременно с открытием Тегеранского университета в 1934 году. Одна из первых кафедр – кафедра русского языка и литературы – начинала свою работу всего с тремя студентами. А теперь ежегодно около 300 студентов поступает в университеты Ирана в бакалавриат, магистратуру и аспирантуру!

Иранская ассоциация русского языка и литературы ставит своей целью систематизировать обучение русскому языку и литературе в иранских вузах и способствовать любой научной деятельности в Иране и развивать русский язык и русскую литературу в Иране.

Ассоциация планирует проведение научных и культурных исследований на национальном и международном уровнях. И сегодня наша конференция – одно из этих мероприятий.

Я хотел бы пожелать всем участникам конференции найти среди многообразия тем и докладов то, что будет им интересно и полезно. Надеюсь, что работа на секциях будет сопровождаться плодотворной и конструктивной дискуссией. Желаю нашей конференции успехов и благодарю вас за внимание. Спасибо!

«Русский язык занимает 8-е место по географической распространенности, а по числу говорящих на нем занимает 6-е место в мире – после английского, китайского, испанского, хинди и арабского языков. Однако по использованию в интернете русский язык занимает 2-е место», – такие данные привел в своем докладе **Александр Мазирка**, первый секретарь Посольства России в Иране. Он отметил, что русским языком владеют более 500 миллионов человек на Земле, в том числе свыше 300 миллионов человек, проживающих за пределами Российской Федерации. Русский язык имеет статус официального государственного языка в России и в Белоруссии, а также является официальным языком в госучреждениях Казахстана, Кыргызстана, Узбекистана, Таджикистана и некоторых других стран. Русский язык является рабочим языком в ряде международных организаций, в том числе ООН. До 70 процентов

жителей бывших советских республик до сих пор свободно общается на русском. Но в силу различных причин в конце XX столетия русский язык оказался здесь в сложном положении. Имеется тревожная тенденция разрушения русскоязычного пространства в результате внедрения языка титульных наций в качестве единственного государственного языка. В ряде республик сокращаются возможности получения высшего образования на русском языке и изучения его в школах. «И это отнюдь не отвечает национальным интересам новых независимых государств, так как в будущем это может вызвать большие затруднения для развития сотрудничества в рамках СНГ, экономической и научно-технической интеграции, формирования единого образовательного пространства, а также в сфере взаимных двусторонних отношений. Тем не менее, русский язык остается одним из ведущих языков мира, и его популярность продолжает расти», - сказал дипломат Александр Мазирка.

Гостей Форума по русскому языку и литературе приветствовал господин **Фараджолла Талеби**, заместитель директора Центра международного сотрудничества Министерства науки, исследований и технологий ИРИ, отвечающий за распространение персидского языка в мире. В качестве важнейших функций языка он отметил расширение связей между государствами. «Язык способствует сближению народов различных стран, диалогу культур и распространению достижений того или иного народа», - сказал доктор Талеби, выразив надежду, что форум поможет развитию сотрудничества между Ираном и Россией во всех сферах.

Затем выступил **Леван Джагарян**, Чрезвычайный и Полномочный Посол Российской Федерации в Исламской Республике Иран:

– Приветствуя здесь участников этого замечательного мероприятия, я хочу сказать, что вы делаете очень большое и нужное дело. На вас возложена очень большая и важная миссия. Думаю, нет необходимости говорить о значимости и важности русского языка. Я хочу сказать, что иранская сторона уделяет этому вопросу очень большое значение, за что я им признателен. Вызывает удовлетворение тяга иранской молодежи к изучению русского языка и русской культуры в целом. К сожалению, могу констатировать, что, несмотря на наши усилия, нам пока не удастся открыть здесь Культурный центр. Но мы будем продолжать эти усилия.

Тем не менее, в составе российского Посольства в Тегеране работают и представители Россотрудничества, и представители Министерства образования и науки Российской Федерации. Я думаю, что их работа будет способствовать продвижению и укреплению позиций русского языка.

Осенью этого года состоится очередная встреча ректоров российских и иранских вузов здесь, в Иране. Эти контакты руководителей высших образовательных учреждений наших двух стран также будут способствовать укреплению позиций русского языка в Иране и персидского языка в Российской Федерации. У нас весь дипломатический состав Посольства, без исключения, практически владеет персидским языком, который преподается во многих вузах Российской Федерации.

В завершение я хотел бы пожелать вам успехов в вашей плодотворной работе и поблагодарить наших иранских друзей за помощь и содействие, которые они оказывают.

Научный секретарь Форума профессор Тегеранского университета **Марзие Яхьяпур** в своей приветственной речи отметила, что в адрес Оргкомитета поступило более 200 заявок из 14 стран, в том числе из Туниса, Кореи и Италии. Все работы заслуживали внимания. Но для зачитывания на Форуме было отобрано 50 докладов из 11 стран. Месяц ордибехешт (21 апреля – 20 мая) для проведения этой конференции был выбран не случайно. «Первые числа этого месяца сияют именем великого персидского поэта шейха Саади, который родился в первый день ордибехешта.

Литература всегда являлась одним из путей единения народов, -

сказала профессор Яхьяпур. – Люди, которые здесь собрались, это наследники и последователи Фирдоуси, Саади, Хафиза, Хайяма, Пушкина, Лермонтова, Толстого, Бунина и других великих писателей», - сказала профессор Яхьяпур, которая уже много лет готовит университетские учебники с переводами стихов русских классиков. Она отметила, что русский язык для иранских студентов становится все более привлекательным, несмотря на его сложность. В процессе постижения языка происходит взаимодействие двух типов сознания, которые открываются друг другу. При этом происходит не только познание друг друга, но и самопознание через погружение в другой культурный мир», - сказала доктор Марзие Яхьяпур, главный редактор *Исследовательского журнала Иранской ассоциации русского языка и литературы* www.journaliarll.ir, где будут опубликованы материалы данного Форума.

В течение трех дней, на нем прозвучало множество ярких выступлений ведущих специалистов из разных стран в области русского языка и литературы. Прошли очень содержательные дискуссии о методах преподавания русского языка в иноязычной среде, о тонкостях перевода с русского языка на персидский и другие языки мира. Ваш покорный слуга, **Аида Соболева**, тоже имела честь выступить на этом форуме с докладом о том, как русский язык на практике служит для взаимопонимания и сближения народов Ирана и России. Ведь русскоязычное иновещание в Иране имеет уже более чем 70-летнюю историю, а в наши дни на русском языке ведет свою работу целый ряд государственных СМИ Ирана. В их числе – радио «Голос Исламской Республики Иран» и сайт www.parstoday.com/ru,

на котором вы, дорогие читатели, сможете увидеть фотогалерею всех выступлений.

А. СОБОЛЕВА

О жизни и творчестве Имана Малекии

Иман Малеки родился 10 марта 1976 года в Тегеране, и с самого детства интересовался живописью. В 15 лет он начал обучаться художественному мастерству у Мортезы Катузиана (считающегося лучшим художником-реалистом Ирана).

В 1995 году Малеки поступил на факультет изобразительных искусств Тегеранского университета («Университет искусств»), и через четыре года окончил его по специальности «графический дизайн».

В 2000 году Малеки женился, а в 2001 открыл «Галерею Ара» и начал обучать студентов живописи на основе традиционных и классических принципов рисования.

В 2005 году Малеки получил премию Вильяма Бугро за свою картину «Гадание по стихам Хафиза», а также награду Выбор Председателя на международном салоне-соревновании живописцев ARC за «Девушку у окна».

Старый фотоальбом

Конец экзаменам

Солнечный свет

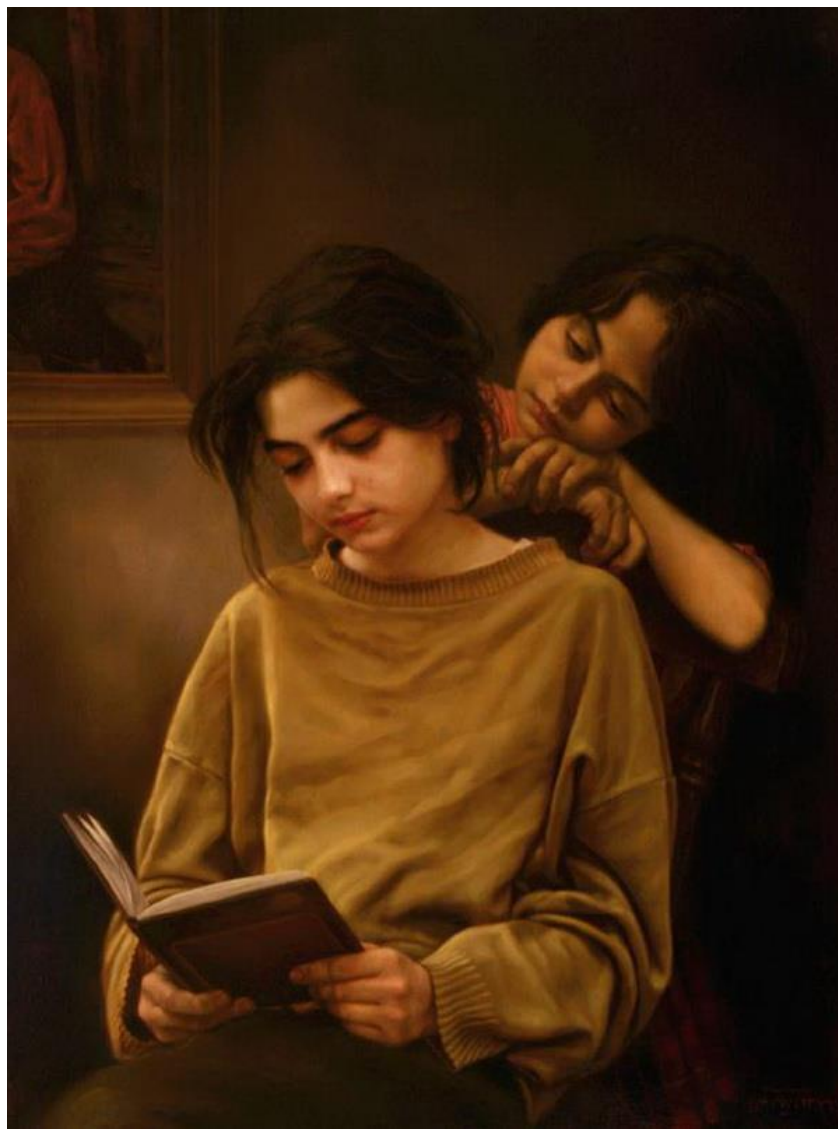
Ахеменидский воин

Музыкант, играющий на таре (покойный мастер Мехран Лотфи)

Девушка у окна

Сестры за книгой

Дом дворника

В одиночестве

Иммигрант

Продавец золотых рыбок

В память о том доме

Гадание по стихам Хафиза

Без названия

Абибилла Пазылов,

литератор, лауреат международной Айтматовской
премии

Азан в месяце Рамазан

Каждый божий день, преимущественно, ранним утром и поздним вечером, пребывая в собственном дворе, расположенном на окраине Бишкека в состоянии определённого умиротворения прислушиваюсь к весьма приятному, приглашающему правоверных мусульман на предстоящий намаз голосу муэдзина. Его традиционный призыв на арабском языке, который ничуть не портится от частого повторения, доносится со стороны близлежащих предгорий, при этом мгновенно распространяясь вширь, одновременно охватывая все новые и новые пространства, лишь местами, и то совсем ненадолго, в секунду, другую, прерываясь попутными и встречными потокотечениями нередкого в здешнем околоте неугомонного ветра.

Сей религиозный ритуал, безусловно, приобретает нетривиальное звучание в период исламского поста в месяце Рамазан, то есть, в пору орозо. Говорят, муэдзин квартальной мечети в молодости был солистом местного уйгурского вокально-инструментального ансамбля. Хочется следом очередного отдельного «пения» азана подойти к нему и крепко пожать ему руки.

Был случай, когда в «Доме Аллаха», находящимся в Каире, городе тысячи минаретов, журналисты из разных стран света бурно

выражали свои неподдельные восхищения от объявления время молитвы тамошнего одноногого муэдзина аплодисментами и возгласами. Тембр и темперамент того незнакомого, вместе с тем, незаурядного, по всей вероятности, глашатая тотчас напомнили нам, выражаюсь без тени преувеличения, сольные номера легендарного лирического тенора Лучано Паваротти.

Если ближе разобраться, то с напевом азана, особенно в Рамазане, связаны мои самые дорогие воспоминания о дедушке Сатыбалды и бабушке Сабыркан. Они у меня аккуратно молились пять раз в день, а с наступлением священного серпа по лунному календарю тридцать суток постились вместе. Мне, любопытному ребёнку, внуку-первенцу нравилось сидеть с ними за достарханом перед началом воздержания от пищи и, большей частью, разговения. Всё было так вкусно, нереально аппетитно!? Опосля окончательного заката «алого диска» услышав изначальное словосочетание «Аллах акбар!» я, как правило, отовсюду, где бы там ни оказался в тот миг, со всех ног бежал домой, на ходу крича и предупреждая родимых о том, что уже можно им есть и пить. Очень переживал за них, голодающих от темна, до темна, шибко хотел, чтобы старики не упустили возможность в срок произнести молитвословие.

Посещала меня и шальная мысль поститься вместе с взрослыми и где-то под утро «схватить» орозо. Ибо в моем детском воображении понятие «орозо» означало некоего животного между курицей в курятнике и обезьяной в передвижном зоопарке. Буквально понимал смысл слова «орозо тутуу» («поймать орозо» или же «ловить орозо»). Однако дед был строг на этот счёт, однажды сказал, как

отрезал: Запомни раз и навсегда, дети, чьи родители живы и здоровы, не держат орозо.

Впрочем, немало воды утекло с тех пор. Дедушка с бабушкой давненько нет среди нас, отец ушел в мир иной семь лет назад, мать – в минувшем году. Но зов к молитве по-прежнему звучит рядом с нами, порою, кажется, что он звучит от имени ушедших в неизвестность смертного народа в виде обращения к нынешнему и грядущему поколениям людей с настоятельной, да ненавязчивой просьбой жить в мире и любви, стало быть, жить в счастливой гармонии. Таким вот образом, думается, азан неразлучно остается с нами. Остается с нами с рождения, с того самого момента, когда в правое ухо новорождённого младенца тихо, словно колыбельную песню нашептывают мелодично-поэтические строфы из него.

Теперь в семье, согласно естественным правилам эстафеты существования, я с супругой ответственны за орозо. И тут на удивление и изумление, в изнуряющей жаре длительного как никогда светодня, обычного индивида, искренне решившегося сеять семена благодеяния, не мучает жажда, не тянет к ежедневной трехразовой трапезе, а также сквернословию и несерьезным помыслам.

Рамазан полон неизведанными, не поддающимся объяснению чудотворствами, -утверждают уважаемые в народе теологи. Не зря в девятом месяце в году ниспослан роду человеческому сверхгениальный по содержанию и воздействию на разум миллионов Коран –великое учение всех времён. Примечателен и тот факт, что переиште- ангелы именно в ходе культового поста спускаются из

космоса на поверхность многострадальной планеты Земля с тем, чтобы непосредственно поблизости охранять покорных слуг Аллаха-Создателя от различных напастей и не чистых сил.

На днях у соседа умер тесть, будь здоров, в глубокой старости. Мы успокаивая его, невольно изрекли: Крепись, ведь аксакалу крупно повезло, он прямым попадет в рай, потому, что в Рамазане, сам прекрасно знаешь, настежь открыты все до единого ворота оной обители блаженных.

И ещё. Охота мне подарить подросткам, которые затягивают по вечерам обрядовую песню «жарамазан» возле нашей калитки свои книги, изданные накануне, но боюсь, что они стопроцентно откажутся от них в пользу мелких купюр. Недавно в социальных сетях прошла информация о том, что некоторые исполнители жарамазана не берут лепешки и булки в качестве «оплаты» за скромные услуги духовно-эстетического порядка.

О, Аллах Всевышний, нынче, в обществе современном хлеб и книга уценены так, что стыдно об этом даже говорить вслух!? Помоги нам, пожалуйста, восстановить их положенный статус в глазах тех, кто самонадеянно предполагают обойтись в тленной жизни без них?

Ольга Владиславовна Журавлёва родилась в г. Кирове 11 июля. Первые её произведения были напечатаны, когда автору едва исполнилось 15 лет. Это были короткие рассказы и стихи. Сейчас она член Союза писателей России, член Союза писателей республики Татарстан. Ольга Журавлёва – автор трёх поэтических сборников – «Полоса невезения», «Ольга. Июль», «Крыльцо в июльский день». Печаталась в коллективных сборниках «Встречи», «Только любовь», «Вкус времени», «Родина с нами», в республиканских и областных изданиях. Она лауреат нескольких литературных премий. Ольга – журналист с многолетним стажем. Работала в областных газетах, на Кировском телевидении, у неё было две авторские программы «Вечерний альбом» и «Лирикс». Работала на областном радио, член Союза журналистов России. Её программа «Детский парк» награждена дипломами международных и всероссийских фестивалей.

За отражение реального положения женщин в Кировской области в средствах массовой информации Ольга награждена благодарственной грамотой Союза женщин России.

Ольга автор двух десятков пьес, которые поставлены как в России, так и за рубежом. В 2016 году ее пьеса «Омар Хайям. Житие персидского поэта» стала лауреатом Международного конкурса Литодрама в номинации «Историческая пьеса»

Ольга Журавлёва

Омар Хайям
житие персидского поэта.
пьеса для театра в 2-х действиях

Действующие лица:

Омар Хайям,

Шах,

Визирь,

Новый Визирь,

Эльпи – 20-ти летняя служанка-наложница Омара Хайяма,

Ахмад – слуга-эфиоп,

Хусейн – слуга Шаха,

Палач,

Две красавицы с ситарами и опахалами,

Три рабыни-танцовщицы.

Слуги – три человека.

Действие 1.

Дворцовые покои. Шах восседает на троне. Слева на подставке лежит Коран. Справа, скрестив руки на рукояти, - палач с топором. По обе стороны сцены на коврах и подушках сидят девушки в шальварах, настраивают ситары.

Картина 1.

Шах (делает вялый жест). Позвать сюда Визиря.

Слышны крики. Главного визиря к Шаху! Шах требует к себе главного визиря!

Тотчас появляется главный визирь. Падает ниц перед тронном.

Визирь. Я здесь, повелитель гор, лесов, рек, морей, а также властелин множества воинов, челяди и великого государства, а также...

Шах поднимает руку, останавливая славословие.

Шах. Ну? И какие новости в моём великом государстве?

Визирь. Да продлятся годы твои, мой повелитель! Лучшая новость – это отсутствие новостей!

Шах. Хочешь сказать, в великом государстве совсем ничего не происходит? Или ты что-то пытаешься от меня скрыть?

Визирь. О, повелитель! Мне ли не знать, что от твоего всевидящего ока невозможно скрыть ничего во всей подлунной.

Шах (брезгливо отмахивается). Встань. Был ли ты сегодня на рыночной площади?

Визирь (подымаясь с колен). Был, мой повелитель.

Шах. Ты надевал на себя одежду дервиша, чтобы не быть узнанным?

Визирь. Да, повелитель. Как ты и велел.

Шах. Что говорит обо мне мой народ?

Визирь. Народ славит твой ум, твою доброту и щедрость и желает тебе долгих лет жизни, о, повелитель.

Шах. Это я и без тебя знаю. А что происходит в моей столице?

Визирь. Я встретил пришельца из города Нишапури, который составляет удивительно точные астрологические карты. По моей просьбе, он и мне составил такую карту.

Шах. И чему же ты удивился?

Визирь. Моё прошлое он рассказал так, как если бы сам был живым свидетелем моей жизни. Хотя ему всего семнадцать лет.

Шах. Мой придворный астролог делает то же самое. Нет, это не новость, Визирь.

Визирь. Как тебе угодно, повелитель.

Шах. Ответь, сколько преступников отбывают срок в моих тюрьмах?

Визирь. Две тысячи восемьсот два!

Шах (задумчиво). Две тысячи восемьсот два... хм? Вели отрубить голову этим двум преступникам. Для ровного счёта.

Визирь. Палач. Отруби голову двум преступникам.

Палач кланяется и уходит.

Шах. Вот тебе и новость, Визирь. Казнены два преступника. Правосудие вновь восторжествовало.

Визирь. Всё так, мой повелитель. Но они всего лишь украли курицу...

Шах. Значит, двумя голодными в государстве стало меньше.

Визирь. Я преклоняюсь перед твоей мудростью, о, повелитель.

Палач приносит головы преступников на блюде, ставит блюдо к ногам Шаха.

Шах (Визирю). Теперь оставь меня. Но чтобы завтра, с утра, у тебя была для твоего господина достойная его ушей новость. (Зевает.)

Визирь. На всё воля Аллаха, мой господин. (Пятясь, покидает тронный зал.)

Затемнение.

Картина 2.

Дворцовые покои. Трон пуст. Издалека доносится протяжный голос муэдзина, читающего с минарета утреннюю молитву. Входит Шах, за ним идёт Палач. Шах садится на трон, слуги несут вазы с фруктами, кувшины с шербетом и подносы с восточными сладостями. Девушки-музыканты начинают играть на ситарах, слуги с опахалами становятся за треном, танцовщицы танцуют. Спустя некоторое время Шах жестом останавливает танец.

Шах (со скучающим видом). Где мой главный Визирь?

Крики за сценой. Главного Визиря к Шаху! Шах требует к себе главного Визиря!

Визирь подходит к трону, падает ниц.

Шах. Встань! Что нового узнал ты на этот раз, мой главный визирь?

Визирь. Сегодня я снова встретил на базарной площади того человека, из города Нишапури. Оказалось, он знает наизусть Коран. Он по памяти читает любую суру по желанию людей. Народ ходит за ним толпами. Я решил сверить точность его изложения, открыл Коран, и...

Шах. И что же?

Визирь. Всё совпадает, мой повелитель. Из буквы в букву!

Шах. Ответь, Визирь, разве мало на свете людей с хорошей памятью? И что с того? Вот, около моего трона всегда лежит Коран. Я могу открыть его и прочитать любую суру, когда захочу. Ты тоже можешь это сделать, разве нет? Из буквы в букву. Так какая необходимость, и какая польза знать весь Коран наизусть?

Визирь. Воистину в твоих словах сокрыта великая мудрость, о, повелитель!

Шах. Пиши указ.

Визирь хлопает в ладоши. Слуга приносит столик для письма, свиток бумаги, перо.

Визирь. Я готов, мой господин.

Шах. Я, повелитель всех рек и морей, приказываю обложить данью каждый второй кувшин воды, взятый из источников в моём государстве.

Визирь. Сегодня же твой указ, о, повелитель, будет оглашен по всей стране.

Шах. Похоже, все новости исходят единственно из стен моего дворца?

Визирь молча склоняет голову.

Визирь. Это не удивительно, мой повелитель, ведь ты властелин мира. (Обращается к слугам.) Эй, слуги, огласить новый указ Шаха во всех городах, аулах, а также в горных саклях. Обложить данью каждый второй кувшин воды, взятый из источников!

Слуга подползает на коленях к подножию трона, забирает указ и уползает, пятась задом.

Шах. Завтра с утра я жду твоего доклада, Визирь. (Зевает.) И новости, Визирь, новости... достойные ушей Шаха. Иначе пеняй на себя. (Зевает.)

Визирь. Слушаю и повинуюсь, мой повелитель.

Визирь уходит, многократно кланяясь.

Затемнение.

Картина 3.

Тронный зал, утро нового дня. Издалека слышны крики муэдзина с минарета – идёт утренняя молитва. Входит Шах, за ним – палач. Шах садится на трон. Палач становится слева от трона. Слуги приносят яства. Девушки – музыканты настраивают ситары.

Шах. Какое унылое утро! (Обводит скучающим взглядом роскошные покои. Тяжко вздыхает.) Золотая клетка... (Зевает.) Кроме чашки ароматного кофе – никаких радостей...

Входит Визирь, кланяется.

Шах. Какую новость, Визирь, ты принёс своему Шаху на сей раз?

Визирь. Мой повелитель, сегодня на рыночной площади тот самый человек из города Нишапури...

Шах. Опять человек из Нишапури! Похоже, твоя шея, Визирь, сама просит топора?

Визирь. Не вели казнить, о, повелитель! Выслушай вначале. Этот человек читал стихи на площади всё утро. И стихи его прекрасны. Даже мужчины плачут, слушая его, а женщины целуют край его одежды, и позови он, они толпами пойдут за ним хоть на край света.

Шах. Стихи? Какая от них польза?

Визирь. О, мудрый шах, страна, у которой нет поэта, не имеет сердца...

Шах. Сердце моей страны – это я! Запомни! Иначе твоя голова будет лежать на блюде у моих ног.

Визирь. Воля твоя, повелитель. Но власть этого человека над умами людей удивительна и бесконечна.

Шах. Власть? У нищего... Ха-ха-ха! Впрочем, оставим пустой разговор. Пиши указ, Визирь.

*Слуги приносят подставку для письма, свиток, перо и чернильницу.
Визирь готовится писать.*

Шах. Сегодня ночью, страдая от бессонницы, я обдумал новый важный Указ. Пиши: Всех стариков в возрасте от семидесяти лет и старше по высочайшему повелению надлежит отправить в изгнание, в пустыню. И запретить им возвращаться, иначе все родственники по мужской и женской линии будут преданы смерти через отсечение головы. Перепишите каждого, кому за семьдесят, и списки принесите мне.

Визирь (делает протестующий жест). О, мой повелитель!..

Шах. Пиши, пиши, Визирь!

Не тотчас, дрожащими руками Визирь начинает писать.

Шах. В дряхлом возрасте человек не в состоянии работать, но продолжает жить и становится обузой для моей казны. В конце концов, я не желаю кормить лишние рты, это слишком тяжелое бремя для государства.

Визирь. Указ готов, повелитель!

Шах. Огласи наше решение незамедлительно... (Зевает.) Проклятая бессонница!

Визирь (кланяется). Милость твоя бесконечна! Достояна твоего народа... (далее – дрожащим голосом) Эй, слуги, огласите новый Указ нашего мудрого повелителя! Всех стариков в возрасте семидесяти лет и старше сегодня же описать поголовно и отправить в изгнание, в пустыню. И запретить им возвращаться, иначе все их родственники по мужской и женской линии будут преданы смерти через отсечение головы. (В сторону.) Этих бедолаг в пустыне съедят шакалы...

Приползает слуга, берёт указ и уползает, пятась задом.

Шах. Я доволен своим решением, оно пойдёт на пользу моему государству. Надеюсь, ты посчитал, сколько возов зерна уходит на один только хлеб для этих прожорливых старцев ежедневно?

Визирь. Посчитал. Десять тысяч возов зерна, мой господин.

Шах. Видишь, какой убыток от них.

Визирь. О, повелитель, моему отцу завтра исполнится семьдесят лет...

Шах. Вот он и возглавит процессию в пустыню. Это покажет моим подданным честность и непорочность власти, данной мне Аллахом.

Старый Визирь встаёт на колени перед Шахом.

Визирь. О, повелитель, моё сердце сгорит от разлуки с отцом! Помилуй его!

Шах. Мой указ касается всех стариков.

Визирь. Отец был главным военачальником старого шаха. Много лет они были неразлучны... Все битвы твой отец выиграл, благодаря военному искусству моего отца. Да и ты в последнем походе одержал победу над врагом благодаря его мудрости.

Шах. Как ты смеешь говорить, что все битвы моего отца, мои тоже, выиграны военачальником? Он всего лишь исполнял приказы, отданные Шахом!

Визирь. Всё так, но твой отец ценил помощь верных друзей...

Шах. Моим другом твой отец никогда не был. Ступай и выполняй указ. Я ни для кого не делаю исключений.

Визирь. О, повелитель! Будь милостив...

Шах. Ступай... презренный! Не испытывай моё терпение.

Палач начинает точить топор.

Визирь. Слушаю и повинуюсь, господин...

Шах. Не забывай, ты мой десятый визирь за последние три года! Подумай об этом, пока твоя голова еще держится на плечах.

Визирь. Воля твоя, ты всегда успеешь отрубить мне голову.

Шах. Можешь в этом не сомневаться.

Визирь склоняется в поклоне. Слышно, как Палач точит топор.

Затемнение.

Картина 4.

Утро нового дня. Слышны крики муэдзина с минарета. В тронный зал входит Шах, за ним идёт Палач, он встаёт справа от трона. Входит Визирь, в полупоклоне он идёт к трону, падает ниц.

Визирь. Да продлятся годы твои, мой повелитель! Я пришёл к тебе с пожеланием удачного дня.

Шах. Мой день начался хорошо и без твоих пожеланий: моя любимая жена объявила, что ждёт ребёнка. Я думаю, это будет мальчик.

Визирь. Да сделает тебя Аллах счастливым отцом, о, повелитель!

Шах. Однако, к делу. Поднимись. (Визирь встает с колен.) За три дня ты не сообщил мне ни одной новости. Ты не опасешься за свою жизнь?

Визирь. Моя жизнь не стоит пыли под подошвами твоих туфель. Но прежде чем ты отрубишь мне голову, я должен показать тебе этого человека из Нишапури, мой Шах.

Шах. Я отрублю голову тебе и ему, если этот человек не стоит моего драгоценного времени, потраченного на него.

Визирь хлопает в ладоши. Два стражника вводят молодого человека в одежде, больше похожей на лохмотья. Стражники падают ниц, юноша стоит неподвижно, устремив взгляд на Шаха. Шах даже привстает с трона в изумлении.

Шах. Жалкий раб, почему ты не склонил голову перед всемогущим Шахом?

Омар Хайям. Зачем? Я знаю, ты намерен отрубить мне голову. Не всё ли равно – была она в поклоне или нет.

Шах. Ты прав, человек из Нишапури. Я отрублю тебе голову. Но вначале скажи, кто ты?

Омар Хайям. Я – Гийяс аддин-Абу-ль-Фатх-Омар-ибн Ибрагим аль-Хайям Нишапури!

Визирь. Мой повелитель, его имя – Омар, что значит жизнь. Его отец палаточник Ибрагим из города Нишапури. Абу – отец, фатх – завоеватель, Гийяс аддин – плечо веры...

Шах. Это он знает Коран наизусть?

Омар Хайям. Я знал Коран уже в восемь лет!

Шах. Ты? Сын палаточника?

Омар Хайям. В доме моего отца единственной книгой был Коран.

Шах. Можешь сказать по памяти двадцать вторую суру?

Шах жестами показывает Визирю, чтобы он сверял текст по Корану. Визирь открывает Коран, лежащий на ляжке (подставке) слева от трона, и проверяет правильность прочтения.

Девушки играют на ситахах.

Омар Хайям. Сура двадцать два «Хадж». Во имя Аллаха милостивого, милосердного! О люди, бойтесь Господа вашего! Ведь сотворение последнего часа – вещь великая. В тот день, когда вы его увидите, каждая кормящая забудет того, которого кормила, а каждая благодательница ноши сложит свою ношу. И увидишь ты людей пьяными, но они не пьяны. Но наказание Аллаха - сильно. И среди людей есть такие, которые препираются об Аллахе без знания и следуют за всяким сатаной дерзким...

Шах поднимает руку.

Шах. Эти слова – услада для моего сердца.

Визирь. Мой господин, Омар Хайям имеет степень математика, астронома, философа, врача. Кроме того, он превосходный поэт.

Шах. Ты - математик? Тебе больше пристало быть палаточником, и унаследовать дело твоего отца, как я унаследовал этот трон.

Омар Хайям. Цели, которых я достиг в науках, уходят корнями в любовь моих родителей ко мне. Отец дал мне хорошее образование.

Шах. Сейчас посмотрим, на что ты способен, сын Хайяма. Сколько будет... двести сорок восемь тысяч пятьсот три, если умножить на... двести пятьдесят?

Омар Хайям. Для меня - это дешёвый уличный фокус, мой Шах. Но я отвечу. Шестьдесят два миллиона сто двадцать пять тысяч семьсот пятьдесят.

Шах. Визирь! Проверь правильность ответа. И, если он ошибся, я сотру этого выскочку в пыль!

Визирь делает жест, и слуги начинают подсчёт на бумаге, столпившись около столика для письма.

Шах. Пока эти... считают, я хочу узнать, какой ты астроном. Назови главное созвездие в нашем полушарии.

Омар Хайям. Три звезды первой величины и две звезды третьей величины образуют созвездие Южный Крест.

Шах (задумчиво). Южный крест...

Омар Хайям. Ночью я могу показать тебе Южный Крест на небе, мой Шах.

Шах. Я уже давно не видел звёзд... Хотя страдаю бессонницей.

Омар Хайям. О, это волшебное зрелище! Их блеск завораживает. А когда они складываются в созвездия, и ты читаешь карту звёздного неба... ты начинаешь понимать и ощущать жизнь во всём её величии.

Визирь. Мой господин...

Шах. Что скажешь, Визирь? Он всё же ошибся?

Визирь. Ответ этого юноши верен, мой Шах. Шестьдесят два миллиона сто двадцать пять тысяч семьсот пятьдесят.

Шах машет рукой - уйди.

Шах. Ну, хорошо. Теперь скажи, юноша: какая самая яркая звезда сияет над моей головой?

Омар Хайям. В созвездии Орион, названном по имени охотника из древнегреческих мифов, три звезды образуют пояс, а остальные отображают дубину, щит и меч. Звёзды пояса указывают на Сириус, самую яркую звезду нашего небосвода.

Шах. Сириус?.. Пожалуй, так я назову своего нового скакуна. У него на лбу белая звезда. Сириус – достойное имя для него. Согласен... ты хорошо знаешь астрономию, Омар Хайям. Эй, слуги, принесите нам чаю!

Слуги приносят чай, сладости. Шах с удовольствием делает глоток чая.

Шах. Этот чай доставлен к моему двору из Китая.

Омар Хайям внимательно разглядывает пиалу с чаем. Вдыхает аромат.

Шах. У тебя есть сомнения насчёт этого чудесного напитка, юноша?

Омар Хайям. Чай действительно хорош, мой господин.

Шах. Сделай глоток, чтобы ощутить вкус.

Омар Хайям. Я по цвету вижу, что это поистине королевский напиток.

Шах. Только я и император Китая можем пить такой чай. Пей, чего ты медлишь?

Омар Хайям. Мой Шах, лучше чая – вино...

Шах. Вот как?

Омар Хайям. Но лучше вина – женщина, а лучше женщины – истина...

Шах. Это шутка?

Омар Хайям. Как сказать...

Шах. Ты не боишься кары божьей за такие слова?

Омар Хайям. Я безбожник – таким сотворил меня Бог!

Шах. Ты нагл, философ. Похоже, ты точно знаешь, в чём заключена истина?

Омар Хайям. Истина в вине, мой господин. Это слишком давно известно. А вино – самый короткий путь к сердцу женщины.

Шах. Ха-ха-ха! Замкнутый круг... А ты прав, юноша. Эй, слуги! Вина!

Слуга приносит вино.

Шах (вкусив вина). Скажи, философ: чего хочет человек больше всего на свете?

Омар Хайям. Человек всегда хочет счастья.

Шах. Как же его найти?

Омар Хайям. Очень просто, мой Шах. Есть такая притча...

Шах. Любопытно?

Девушки начинают тихо играть на ситамах.

Омар Хайям. Бог создал человека из глины. И у него осталось ещё немного глины. Бог спросил у человека: «Что ещё слепить для тебя?» «Слепи для меня счастье», - попросил человек. Ничего не сказал Бог, он только вложил в руку человека остатки глины.

Шах. Значит, я сам должен слепить своё счастье?

Омар Хайям. Да, мой повелитель.

Шах. Хм...

Омар Хайям. Скажу тебе стихами. Хочешь?

Шах. Стихами? О счастье?

Омар Хайям. О любви, о власти, о смерти...

Шах. Ну, что ж... читай. Но если твои стихи мне не понравятся, пеняй на себя, сын палаточника. (Палач начинает точить топор.)

Шах рукой делает знак музыкантам сопровождать чтение стихов игрой на ситах.

Омар Хайям. Все тайны мира ты открыл... Но всё ж

Тоскуешь, втихомолку слёзы льёшь.

Всё здесь не по твоей вершится воле, -

Будь мудр, доволен тем, чем ты живёшь.

Шах (прикрывает ладонью глаза). Ты заглянул мне в душу, юноша...

Омар Хайям. Я заглянул в собственную душу. Ведь я такой же человек, как и ты, Шах. Я тоже плачу по ночам.

Шах. О чём плакать простолюдину?

Омар Хайям. Жизнь жестока и несправедлива.

Шах. Даже ко мне, властелину мира, жизнь редко бывает справедливой. Мне до слёз не хватает тепла матери и мудрости отца. Они слишком рано ушли из жизни. (После паузы.) Продолжай.

Наложницы начинают играть на ситах.

Омар Хайям. Хоть этот мир лишь для тебя, ты мыслишь, сотворён,

Не полагайся на него, будь сердцем умудрён.

Ведь много до тебя людей пришло-ушло навек;

Возьми своё, пока ты сам на казнь не уведён.

Шах. Так ты пришёл из Нишапури, юноша?

Омар Хайям. Из Нишапури, мой повелитель.

Шах. Это не ближний путь. Как отец и мать отпустили тебя?

Омар Хайям. Я сирота, как и ты, господин.

Омар Хайям жестом просит наложниц играть. Звонят ситары.

Омар Хайям. Росток мой от воды небытия.

От пламени скорбей - душа моя.

Как ветер я кружу, ищу по свету –

Где этот прах, откуда появился я...

Шах (после некоторой паузы). Продолжай.

Омар Хайям. Благородство и подлость, отвага и страх –

Всё с рожденья заложено в наших телах.

Мы до смерти не станем ни лучше, ни хуже –

Мы такие, какими нас создал Аллах.

Шах. На тебе жалкие лохмотья. И туфли?.. Давно превратились в обноски. Эй, слуги, принесите поэту бархатный халат, расшитый золотом. Тот, что я носил вчера.

Слуги, идущие один за другим, приносят халат, на парчовой подушке расшитую золотой канителью тюбетейку, туфли из тонкого сафьяна. Омар Хайям внимательно рассматривает туфли, оглядывает халат, трогает тюбетейку. Слуги облачают гостя.

Омар Хайям. Достоин ли я этой роскоши, о, господин?

Шах. Я решаю, кто достоин, а кто нет. Ты, я слышал, не берёшь денег за свои труды. Без платы составляешь гороскопы, занимаешься врачеванием, читаешь Рубаи. Так ты никогда не разбогатеешь, поэт.

Омар Хайям. Поэт, слишком высокое звание для меня, мой господин.

Шах. Аллах - свидетель, ещё никому не удавалось заставить меня лить слёзы над стихами.

Омар Хайям. Ты сердцем оценил мои стихи, великий шах.

Омар Хайям слегка склоняет голову.

Шах. Судя по голодному блеску в твоих глазах, ты давно не ел. (К слугам.) Накройте достархан для моего уважаемого гостя!

Затемнение.

Картина 5.

Терраса, увитая плющом и виноградом. Шах и Поэт возлежат на шелковых подушках, за достарханом. Курят кальян. Визирь в смиренной позе стоит за спиной Шаха.

Шах. Как искусны мои повара! Не правда ли, юноша?

Омар Хайям. Лучшая часть застолья – это беседа, великий Шах. А умный собеседник – подарок судьбы.

Шах. Создатель не обидел тебя умом, ты прав. Я вижу равного себе.

Омар Хайям. Благодарю за добрые слова, мой Шах.

Омар Хайям слегка наклоняет голову.

Шах. Что ты скажешь на то, чтобы стать моим советником? Мы совместно станем управлять этой огромной страной. *(После паузы.)* Я жду ответа.

Омар Хайям. Я скажу – нет, мой господин.

Шах. Почему? Ты умён, и ты сумел растопить моё сердце. Едва ли кто другой смог бы это сделать. Мне нужен такой человек возле трона.

Омар Хайям. Аллах не дарует всё одному человеку. В отличие от тебя, я не умею приказывать и управлять людьми, мой господин.

Шах. Достойный ответ, юноша. Что ж, оставайся поэтом.

Визирь. Да продлится твоя жизнь, о, повелитель! Омар Хайям не только поэт. Смеею напомнить, он превосходный астролог и прорицатель.

Шах. Превосходный?

Визирь. Вчера он предсказал, что ты, повелитель правоверных, предложишь ему стать твоим советником и совместно управлять страной.

Шах. Это так?

Омар Хайям (уклончиво). Такова была воля Аллаха, мой Шах.

Шах жестом приказывает девушкам играть. Девушки начинают играть на ситарах, на сцену выходят в танце наложницы.

Омар Хайям. Кто мы? Куклы на нитках, а кукольник наш – Небосвод.

Он в большом балагане своё представление ведёт.

Он сейчас на ковре бытия нас прыгать заставит,

А потом в свой сундук одного за другим уберёт.

(После некоторой паузы продолжает...)

Мы – источник веселья и скорби рудник,

Мы – вместилище скверны и чистый родник,

Человек, словно в зеркале мир – многолик,

Он ничтожен, и он же безмерно велик!

Шах жестами подзывает девушек, они в живописных позах садятся у его ног.

Шах. Ответь мне – что ты думаешь о женщинах? И о любви к ним?

Омар Хайям. Женщины, по-видимому, спустились на землю с какой-то неведомой звезды. Они не только устроены по-другому, в их прекрасных головках другие мысли, чем у нас, они хотят совсем иного, нежели мы. Понять их невозможно. Их можно только любить.

Шах. Посмотри, - передо мной на блюде лежат яйца, раскрашенные в разные цвета. С виду они не похожи друг на друга, но, если их избавить от цветной скорлупы, - внутри они все одинаковые. Вот так и женщины для меня. На вид разные, а внутри все одинаковые. Поэтому мне всё равно, кого любить – рабыню или жену. Мне безразлично, кто из них меня ласкает, мне хорошо, и этого достаточно. Меня не интересуют их желания, потому что кроме моих желаний ничего не существует. У меня двадцать жён и сто наложниц.

Омар Хайям. Но у тебя ведь есть любимая жена, Шах.

Шах. О, это красивейшая из женщин на земле. Скажу тебе по секрету, у неё два сердца. И когда я слушаю, как бьётся её сердце справа, мне хочется услышать, как стучит её сердце слева. И так до бесконечности...

Омар Хайям. Мне кажется, ты играешь в прятки сам с собой, великий Шах.

Шах. Поэтому мне и нужна ясность – как определить, что такое любовь?

Омар Хайям. Давай возьмём два одинаковых кубка. Прикажи в один налить воду, в другой – белое вино.

Шах приказывает, слуги исполняют, подносят кубки Шаху.

Омар Хайям. На вид у них нет различий. Но, если ты сделаешь глоток из кубка с водой, то ничего не почувствуешь.

Шах отпивает из кубка с водой.

Омар Хайям. А когда сделаешь глоток из кубка с вином, тебя обожжёт и бросит в жар.

Шах отпивает из кубка с вином.

Омар Хайям. Такова на вкус и любовь, мой господин.

Шах допивает вино до дна, прислушивается к себе.

Шах. Так было с тобой, Омар Хайям?

Омар Хайям. Было, мой Шах. Однажды жар любви спалил меня дотла.

Шах. Значит, у тебя есть стихи про любовь? Читай.

Девушки играют на ситарах.

Омар Хайям. Изначальной всего остального – любовь,

В песне юности первое слово – любовь.

О, несведущий в мире любви, горемыка,

Знай, что всей нашей жизни основа – любовь.

Ты, кого я избрал, всех милей для меня.

Сердца пылкого жар, свет очей для меня.

В жизни есть ли хоть что-нибудь, жизни дороже?

Ты и жизни дороже моей для меня.

Шах. Ты и жизни дороже моей для меня... Как забилось сердце! Сладко... и страшно... Мда, поэты - опасные люди. Они берут в плен чужие умы. Без меча и топора. Одним только Словом.

Шах машет рукой, рабыни танцуют. По одну сторону трона стоит палач, по другую - визирь.

Омар Хайям. И лица, и волосы ваши красивы.

Вы, как кипарисы, стройны, горделивы,
И всё же никак не могу я понять –
Зачем в цветнике у Творца возросли вы?

Шах. Хайям, это мои рабыни. Выбирай любую!

Омар Хайям. Благодарю тебя, Шах.

Шах. Посмотри, как хороша эта пери! Зубы, как жемчуг, губы – кораллы, грация, как у пантеры. Это не девушка, а совершеннейшая сладость.

Омар Хайям. Да, она прекрасна...

Шах. Почему ты загрустил, поэт?

Омар Хайям. Моё сердце почернело от разлуки с любимой.

Девушки играют на ситах.

Омар Хайям. Любовь вначале ласкова всегда.

В воспоминаньях ласкова всегда.

А любишь – боль. И с жадностью друг друга

Терзаем мы и мучаем всегда.

Омар Хайям сидит, опустив лицо в ладони. Шах ласкает своих рабынь. В танце они удаляются. Омар Хайям поднимает голову.

Шах. Что для тебя стихи, коль ты поэт?

Омар Хайям. Стихи? Наверно, они моя жизнь.

Шах. Едва ли стихами ты сумеешь заработать себе на жизнь.

Омар Хайям. Моя работа – звёзды.

Шах. Звёзды? Какой от них прок?

Визирь. Мой господин, Омар Хайям имеет еще и степень врача.

Шах. Согласен. От врача больше пользы, чем от звезд на небе.

Омар Хайям. От звезды, под которой родился человек, зависит его судьба, великий Шах.

Шах (смеется). Я - не звезда. Я – просто Шах. Но отныне твоя судьба – это я.

Затемнение.

Картина 6.

Утро следующего дня. Слышны крики муэдзина с минарета – идёт утренняя молитва. Тронный зал. Входит Шах. За ним идут Визирь и Палач. Палач становится слева от трона. Рабыни-танцовщицы сидят в углу. Шах садится на трон. Визирь падает перед ним на колени.

Визирь. Мой многомудрый господин! Пощади моего отца, умоляю!

Шах. Мне доложили, что все старики уже в пустыне! Место твоего отца там же! Ни для кого нет исключений!

Визирь. О, повелитель! Ты делаешь детей сиротами при живых родителях.

Шах. Ты вздумал меня учить, жалкий слуга?

Визирь. Господин мой!..

Шах. Может, ты хочешь, чтобы твоего отца отправили туда под стражей? Эй, стража!

Визирь. Не делай этого, мой повелитель!

Шах. Стража! Отправить отца Визиря в пустыню! С почётом.

Визирь. Пощади, многомудрый Шах!

Шах. Разговор закончен!

Визирь встаёт с колен, кланяется, становится справа от трона.

Шах. Позвать ко мне Омара Хайяма!

Крики: Шах требует к себе Омара Хайяма! Омара Хайяма к Шаху!

Входит Омар Хайям, слегка склоняет голову перед Шахом. Шах жестом приглашает его сесть.

Шах. На чём закончился наш вчерашний разговор, юноша?

Омар Хайям. Мудрый Шах сказал, что отныне он – моя судьба.

Шах. Это действительно так. Но сейчас твоё дело – лечить. Я хотел бы знать, какой из тебя врачеватель.

Омар Хайям. Я изучил все труды великого Авиценны. Он мой учитель в медицине.

Шах. Мой отец считал, что искусный врач – это человек, творящий чудо исцеления. Каков твой опыт врачевания?

Омар Хайям. Когда я шёл сюда с караваном, молодому торговцу серебряной посудой стало плохо как раз в середине пути. Мы устроили стоянку, и я спас этого юношу от смерти. Вслед за ним ещё несколько человек подхватили эту заразную болезнь, но за несколько дней я исцелил их тоже и остановил болезнь. Все караванщики остались живы и здоровы, поэтому зараза не проникла в твой город.

Шах. А ты сам? Ты не болен?

Омар Хайям. Не опасайся. Врач не имеет права болеть, к тому же, я принял меры, мой господин.

Шах. Можешь ли ты вернуть зрение слепому, Омар Хайям?

Омар Хайям. Я должен его осмотреть.

Шах. Эй, слуги! Приведите слепого Ахмада!

Крики за сценой. Шах требует к себе слепого Ахмада! Слепого Ахмада к Шаху!

Слуги приводят слепого силача-мавра Ахмада.

Ахмад. Где я?

Визирь. Ты во дворце у нашего всемогущего Шаха.

Ахмад. Зачем я здесь?

Шах. Сейчас тебе вернут зрение, потерянное в бою, Ахмад.

Ахмад. Не смейся надо мной, Шах. Этого не может быть.

Омар Хайям. Упавший духом гибнет раньше срока...

Ахмад. Кто это?

Шах. Это твой врач, его зовут Омар Хайям.

Ахмад. Разве только он волшебник? Я слеп навечно. Но дух мой не сломлен!

Омар Хайям осматривает Ахмада, усадив его на стул.

Омар Хайям. Не горячись. Я вижу, каков ты. Зрение вернётся к тебе. (Обращаясь к Шаху.) Я должен приготовить лекарство.

Шах. Приказывай, тебе принесут любые снадобья.

Омар Хайям. Мне нужен помощник.

Шах взмахом руки приказывает юному слуге Хусейну помочь Омару Хайяму. Омар Хайям отводит Хусейна в сторону к столику для письма, быстро составляет список. Хусейн уходит со списком.

Шах. Помнишь, Ахмад, тот бой, в котором ты потерял зрение?

Ахмад. Я всё помню, как будто это было вчера, Шах. Вражеская сабля плашмя ударила меня по голове. В одно мгновение я лишился слуха и зрения. Но слух быстро вернулся, а вот глаза... Лишь иногда по утрам вдруг забрезжит мутный свет, но потом всё исчезает. И я опять погружаюсь в темноту.

Шах. В том бою ты закрыл меня своим телом, и я жив, благодаря твоему бесстрашию, Ахмад. Я умею помнить добро.

Приходит Хусейн, приносит на подносе снадобья в серебряных сосудах и кожаных мешочках. Омар Хайям указывает ему, что с чем смешать.

Омар Хайям. Здесь очень важны пропорции. Ни капель больше, ни капель меньше...

Хусейн старательно всё исполняет.

Омар Хайям. Ссыпай и сливай всё в эту чашу.

Хусейн ссыпает и перемешивает.

Омар Хайям (Хусейну). Из этой смеси сделай две лепёшки и дай их мне.

Хусейн делает две лепёшки и подаёт их Омару Хайяму. Омар Хайям кладёт лепёшки на глаза Ахмаду. Несколько секунд стоит тишина, все замирают в ожидании чуда. Омар Хайям убирает лепёшки с глаз Ахмада.

Омар Хайям. Ты можешь открыть глаза, Ахмад.

Ахмад сидит неподвижно.

Омар Хайям. Чего же ты медлишь, воин?

Ахмад открывает глаза, встаёт со стула.

Ахмад. Я вижу? Я вижу! Шах, я вижу тебя! Кто мой исцелитель?

Шах. Он!

Ахмад кланяется Шаху, потом Омару Хайяму.

Ахмад. Омар Хайям, ты сотворил чудо! Детям своим, и внукам я прикажу молиться за тебя. Ты – лучший лекарь, какого я знаю.

Омар Хайям. Лучший лекарь для человека, он сам.

Ахмад. Позволь мне быть твоим слугой, уважаемый?

Омар Хайям. Да, мне понадобится надёжный слуга, Ахмад.

Ахмад кланяется и отходит в сторону.

Хусейн (падает на колени перед Омаром Хайямом). Врач! Мой отец тоже слеп. Я хочу вернуть ему зрение.

Омар Хайям. Хорошо, завтра я осмотрю твоего отца. Если он слеп, то слеп иначе.

Слуга незаметно уходит, прихватив все снадобья.

Шах. Вернись к столу, Омар Хайям, продолжим нашу трапезу и беседу. Я намерен осыпать тебя своими милостями.

Омар Хайям. Я счастлив уже тем, что нахожусь рядом с тобой, мой Шах.

Шах. Скажи, Омар Хайям, зачем тебе звёзды? Они так высоко...

Омар Хайям. Звёзды помогут мне составить самый точный солнечный календарь. Это моя давняя мечта, и я уже начал делать подсчёты.

Шах. Звёзды... солнце? Солнечный календарь? Какая связь?!

Омар Хайям. Именно звёзды помогут составить солнечный календарь. От его точности зависит достоверность наших гороскопов.

Шах. А нынешний календарь, по которому живу я?

Омар Хайям. Далеко не точен.

Шах. И мой гороскоп?

Омар Хайям разводит руками.

Шах. Но времени не существует, ты - философ и должен это знать.

Омар Хайям. Ты прав, Шах, времени не существует. Если душа спокойна, то день сравнится с тысячью веков.

Шах. Времени не существует, но мы стареем. Почему?

Омар Хайям. Мы стареем от обид.

Шах (задумчиво). А обид всё больше... (Обращаясь к Хайяму.) Что нужно для точного календаря?

Омар Хайям. Обсерватория. Мой господин, в телескоп ты увидишь звёзды так близко, как золотые динары на своей ладони.

Шах. Звёзды будут лежать на моей ладони? Занятно! Но обсерватория - это должно быть дорогое удовольствие?

Омар Хайям. Всем грешникам страдать и корчиться в огне.

Но жадных я припечь советую вдвойне.

Ведь сам Пророк сказал: коль жаден мусульманин,

И щедр христианин – второй дороже мне.

Шах. Уговорил! Я построю лучшую в подлунной обсерваторию! Ни у кого не будет подобной: ни в Индостане, ни в Китае, ни в Александрии. Моя обсерватория будет лучше той, что в Самарканде! А Самарканд – город великих учёных.

Визирь. Мы пригласим лучших математиков и астрономов, мой Шах.

Шах. И ты, Омар Хайям, прославишь моё имя в веках.

Вбегает Хусейн.

Хусейн. Горе мне! Врач! Горе мне! Глаза моего отца вытекли!

Шах. Почему кричит этот мальчишка? Палач!

Палач выходит из-за трона. Омар Хайям останавливает палача.

Омар Хайям. Настоящий мужчина всегда знает меру, Шах. (К Хусейну.) Что произошло?

Хусейн. Врач, я сделал всё в точности, как и ты делал для этого слепца. И он прозрел. А мой отец остался без глаз...

Омар Хайям. Я же сказал тебе - подожди до завтра?

Хусейн. О да! Но я хотел помочь отцу!

Омар Хайям. У слепоты тысячи причин. И в каждом случае нужно своё лекарство. Не быть тебе врачом.

Хусейн. Но я сделал целебные лепёшки в точности, как ты!

Омар Хайям. Лепёшки... Быть тебе пекарем.

Шах. Отправить его на пекарню!

Стражники уводят Хусейна.

Шах. А сейчас займёмся звёздами.

Омар Хайям. Если мои подсчёты окажутся верными, многое изменится в твоём государстве. И даже время молитвы.

Шах. Мы молимся не в то время?

Омар Хайям. Увы... Это так.

Шах. Визирь, пиши указ: «Все молодые и сильные бедняки со всех моих земель обязаны прийти на строительство обсерватории».

Визирь пишет указ на письменном столике.

Омар Хайям. Шах...

Шах. Назначить **Абу-ль-Фатх ибн Ибрагима Хайяма** главным строителем и архитектором обсерватории, а в дальнейшем – главным смотрителем и главным астрономом. Будешь каждый день приходить ко мне с докладом.

Омар Хайям. Уже завтра я представлю тебе чертежи и расчёты, мой Шах.

Шах. Я дарую тебе титул придворного астронома и астролога.

Омар Хайям. Я готов послужить науке.

Визирь. Именно на астрологе лежит обязанность благого устройства дел повелителя мира.

Шах. И титул придворного врача.

Приползает слуга, забирает указ, уползает, пятясь.

Визирь. От искусства врача будет зависеть телесное здоровье моего господина и его семьи. Да поможет тебе Аллах, Омар Хайям.

Омар Хайям. Аллах велик!

Шах. А сейчас, Омар Хайям, твой Шах хочет знать – далеко ли его смерть?

Омар Хайям. Твоя смерть – у тебя за плечами...

Шах. Ха-ха-ха! За плечами стоит мой палач.

Омар Хайям. Кто-то назначил твою смерть именно на сегодня.

Шах. Как ты узнал?

Омар Хайям. Прикажи обыскать палача.

Шах жестом приказывает слугам обыскать палача. Они приносят Шаху кожаный мешочек, из которого Шах высыпает золотые монеты к своим ногам..

Омар Хайям. Ты сильно кого-то оскорбил, господин.

Визирь. Я объявляю тебе **джихад**, убийца моего отца!

С этими словами Визирь заносит кинжал и бросается на Шаха. Омар Хайям перехватывает руку Визиря, и заламывает у него за спиной. Шах в ужасе следит за борьбой. Опомнившись, приказывает взять под стражу Визиря и Палача.

Шах. Стража! Взять их!

Стражники бросаются на Визиря и Палача, валят на колени.

Шах. Мне – Шаху, властелину мира, ты объявил **джихад**? Кем ты вообразил себя, червяк?

Визирь. Я ненавижу тебя, убийца стариков!

Шах. Как ты смеешь?! За этот бунт я перегрызу вам горло, подлые заговорщики! Казнить обоих!

Визирь. Близость смерти освободила меня от трусости. А ты, Омар Хайям, знай, что спас подлеца и душегуба.

Омар Хайям. Я не дал тебе стать убийцей. Священный **джихад** – это прежде всего победа над собой, Визирь.

Шах. Бывший Визирь.

Шах жестом показывает – увести! Палача и Визиря уводит стража.

Омар Хайям. Господин, позволь спросить: что ты сделал, если твой ближайший слуга поднял на тебя руку?

Шах. Я – Шах! И жалкий раб не вправе подвергать мои действия сомнению.

Омар Хайям. Возможно, ты сменишь гнев на милость? Ради Всевышнего, не принимай решений сгоряча.

Шах. Хорошо, я подумаю... Какую награду хочешь ты за спасение моей жизни, Омар Хайям?

Омар Хайям. Только право жить в тени твоего величия.

Шах. Пока я жив, ни один волос не упадёт с твоей головы, юноша. Мой карающий меч поразит всех твоих врагов!

Омар Хайям. У меня нет врагов, мой Шах, это я есть у них.

Затемнение.

Действие 2.

Картина 1.

Спустя двадцать лет...

Двор около дома, в котором живёт Омар Хайям. Во дворе расстелен ковёр, на ковре возлежит Омар Хайям, около него сидит Эльпи. На ковре стоит кувшин с вином, ваза с фруктами. Ахмад сидит чуть поодаль. Вдалеке видны очертания обсерватории. По краям сцены сидят девушки с опахалами, ситары лежат рядом.

Омар Хайям. Ахмад, принеси ещё вина! Ибо, лучше чая вино...

Ахмад (подхватывает). Лучше вина женщина, лучше женщины – истина. Ты всегда так говоришь, хозяин.

Омар Хайям. Не верь мне – истины нет. То, что было истиной вчера, сегодня ею может и не быть!

Ахмад кланяется и уходит.

Эльпи. Куда ты уходишь каждый вечер, мой господин?

Омар Хайям. Я уйду в обсерваторию, чтобы изучать звёзды.

Эльпи. В самом деле?

Омар Хайям. А что думала ты?

Эльпи. Я думала, ты уходишь к другим девушкам...

Омар Хайям. Мне не нужны другие девушки. Ты самая яркая звезда на моём небе. Эльпи, скажи, я слишком стар для тебя?

Эльпи. Господин мой, возлюбленный, у каждого возраста своя молодость.

Омар Хайям. Твоя красота ослепляет меня, Эльпи.

Эльпи. А меня ослепляет твой ум, мой господин. И я выучила все твои Рубаи наизусть. Я знаю их так же, как ты знаешь Коран.

Омар Хайям. Это мы сейчас проверим. И, если ты ошибёшься!..

Эльпи. Меня ждёт наказание?

Омар Хайям. Да, моя несравненная гурия, я накажу тебя.

Эльпи. Ты придумаешь страшное наказание?

Омар Хайям. Ты будешь ласкать меня всю ночь, Эльпи. Ты не сомкнёшь глаз.

Эльпи. Хорошее наказание, мне нравится. Час в твоих объятиях, как год счастья, господин мой возлюбленный.

Омар Хайям. Начнём, милая чаровница.

Омар Хайям и Эльпи пьют по очереди из одного кубка. Девушки играют на ситах.

Омар Хайям. Вино напитком вечности играет,

Испей того, что радость в мир являет.

Эльпи. Хоть, как огонь, вино нас обжигает,

Но, как вода живая, воскрешает.

Омар Хайям. Давай же выпьем живой воды, моя Эльпи.

Эльпи. Слушаю и повинуюсь, мой господин. Я твоя вечная раба.

Омар Хайям. Раба? Разве я обращаюсь с тобой, как с рабыней, моя Эльпи?

Эльпи. Нет. Ни разу ты не поступал со мной, как с рабыней. Но я раба любви, мой господин. И твоих желаний.

Омар Хайям и Эльпи по очереди отпивают вино из одного кубка. Приходит Ахмад, ставит кувшин с вином на ковёр, сам отходит в сторону.

Омар Хайям. Когда фиалки льют благоуханье,
И веет ветер вешнего дыханья...

Эльпи. Мудрец, кто пьёт с возлюбленной вино.
Разбив о камень чашу покаянья.

Эльпи обнимает возлюбленного.

Омар Хайям. Моя красавица, моя душистая роза, как нежны твои руки.
Мне хорошо с тобой... А вот это, моя умница? (*Читает.*)

На розах блистанье росы новогодней прекрасно,
Любимая – лучшее творенье Господне – прекрасна...

Эльпи молчит. Замолкает и музыка.

Омар Хайям. Что же ты молчишь, моя голубка?

Эльпи. Я не знаю этого стиха.

Омар Хайям. А говорила, что знаешь все мои Рубаи наизусть.

Эльпи. Мне так казалось, мой господин. И что же там дальше?

Омар Хайям. Запомнила ли ты начало, моя любимая?

Девушки играют на ситарах.

Эльпи. На розах блистанье росы новогодней прекрасно,

Любимая, лучшее творенье Господне – прекрасна...

Омар Хайям. Жалеть ли минувшее, бранить ли его мудрецу?

Забудем вчерашнее! Ведь наше Сегодня – прекрасно.

Эльпи. Ведь наше Сегодня – прекрасно.

Эльпи плачет. Музыка замолкает.

Омар Хайям. Что? Что такое? Я обидел тебя, дитя Рая?

Эльпи. Я плачу от счастья, и готова ласкать тебя всю ночь за незнание этого стиха, мой возлюбленный!

Омар Хайям (смеясь). Я обманул тебя, услада моего сердца.

Эльпи. Обманул? Это как?

Омар Хайям. Этот стих я сочинил только что.

Эльпи. Вот как? Ну, берегись! Сегодня ночью я заласкаю тебя... до полусмерти!

Омар Хайям. Я согласен, моя лучезарная пери! А сейчас выпьем вина за наше здоровье и долголетие.

Девушки играют на ситах. Эльпи и Омар Хайям пьют вино из одного кубка по очереди. Ахмад встаёт в позу охранника, он чувствует приближающуюся опасность. Из правой кулисы появляется одетый в рваную одежду молодой человек. Это Хусейн. Он хочет обойти Ахмада и пройти к Омару Хайяму и Эльпи. Но Ахмад стоит, как скала.

Ахмад. Чего тебе?

Хусейн. Мне нужен твой хозяин.

Ахмад. Зачем?

Хусейн. Месяц назад он купил на базаре женщину, которую я люблю.

Ахмад. Чего ты хочешь?

Хусейн. Я хочу вернуть себе эту женщину.

Ахмад. Как зовут тебя?

Хусейн. Меня зовут Хусейн.

Ахмад. Иди своей дорогой, Хусейн.

Хусейн. Я отомщу твоему хозяину, я убью его!

Ахмад. Не стоит тебе этого делать.

Омар Хайям. Ахмад! Кто там?

Ахмад. Здесь человек по имени Хусейн.

Омар Хайям. Чего он хочет?

Хусейн пытается прорваться к Омару Хайяму, но Ахмад его сдерживает.

Хусейн. Я хочу убить тебя и вернуть себе Эльпи!

Омар Хайям встаёт с ковра и подходит к Хусейну.

Омар Хайям. Вернуть Эльпи? Кто ты?

Хусейн. Я тот слуга, что помогал тебе готовить лекарство для этого слепца.

Ахмад. Мои глаза видят до сих пор! Я не слепец!

Ахмад хватается за кинжал.

Омар Хайям. А, пекарь?.. Тогда ты был мальчишкой.

Хусейн. Я стал пекарем. Но хотел быть врачом. А ты...

Омар Хайям. Хусейн, отправив тебя на пекарню, я спас тебе жизнь.

Хусейн. Ты спас мне жизнь? Допустим. Но сейчас ты забрал у меня женщину.

Омар Хайям. Забрал у тебя? Я купил её на базаре.

Хусейн. Я люблю её!

Омар Хайям. Послушай, Хусейн, давай спросим у Эльпи – кого выберет она? Я всё сделаю так, как пожелает Эльпи. Эльпи, ты знаешь этого человека?

Эльпи встаёт с ковра и подходит к мужчинам.

Эльпи. Знаю, мой господин.

Хусейн. Эльпи! Я люблю тебя! Я выкуплю тебя!

Эльпи. Но у тебя нет денег, Хусейн.

Хусейн. Я соберу денег. У меня есть богатые друзья. Я тебя выкуплю.

Эльпи. Не надо. Я хочу остаться с ним.

Хусейн. Почему?

Эльпи. Его страсть растопила моё сердце и наполнила его нежностью. Я хочу быть с ним.

Хусейн. Но я знал тепло твоих ног! Эльпи!

Эльпи. Уходи, Хусейн.

Омар Хайям. Ты слышал, что сказала Эльпи?

Хусейн. Я убью её, а потом – тебя!

Эльпи. Уходи, Хусейн.

Омар Хайям встаёт между Хусейном и Эльпи, она уходит и садится на ковёр.

Хусейн. Будь ты проклят!

Ахмад. Возьми своё проклятье назад, Хусейн! Иначе я перегрызу тебе горло.

Хусейн уходит.

Омар Хайям. Проклятия не действуют на меня, Ахмад.

Ахмад. Ты заговорённый, хозяин?

Омар Хайям. Ещё в детстве моя мать произнесла надо мной своё заклинание.

Ахмад. Заклинанье? От чего оно?

Омар Хайям. От стрел и кинжалов, от сглаза, от когтей, от змеиных укусов, от земных и небесных сетей.

Ахмад. Тогда зачем тебе я, хозяин?

Омар Хайям. Ты не только мой охранник и слуга, Ахмад, ты мой верный друг.

Ахмад. Это так, хозяин. Мы давние друзья, не раз ты преломлял со мной хлеб и делился последним глотком воды.

Омар Хайям. Об одном забыла моя матушка.

Ахмад. О чём же, хозяин?

Омар Хайям. Она забыла произнести заклинание от несчастий в любви.

Ахмад. Но сейчас ты счастлив?

Омар Хайям. Сейчас я очень счастлив, Ахмад. И это впервые в моей жизни.

Ахмад кланяется. Омар Хайям возвращается к Эльпи. Девушки машут опахалами.

Эльпи. Ты не боишься его?

Омар Хайям. Не боюсь.

Эльпи. Почему?

Омар Хайям. Всё, что случилось или случится, давно решено наперёд.

Эльпи. А, если он убьёт тебя?

Омар Хайям. В моём гороскопе ничего не сказано об этом. Я доживу до глубокой старости. Давай выпьем еще вина, моя луноликая красавица.

Эльпи (грозит ему пальчиком). Но ведь ты мусульманин, тебе Аллах запрещает пить вино.

Омар Хайям. Уж лучше грешным быть, чем грешным слыть...

Омар Хайям передаёт Эльпи свой кубок. Девушки играют на ситарах.

Омар Хайям. Нищий мнит себя шахом, напившись вина.

Эльпи. Львом лисица становится, если пьяна.

Омар Хайям. Захмелевшая старость беспечна, как юность.

Эльпи. Опьяневшая юность, как старость умна.

Эльпи смеётся, Омар Хайям обнимает её.

Ахмад. Хозяин, я вижу, - к нам приближаются два странника...

Эльпи удаляется. Омар Хайям и Ахмад вглядываются вдаль.

Омар Хайям. Ахмад, эти фигуры кажутся мне знакомыми?

Ахмад. И мне, хозяин.

Два странника – это переодетые Шах и новый Визирь.

Омар Хайям. Время от времени Шах и его новый Визирь ходят по городу в одеждах странников.

Ахмад. Они и раньше делали это, чтобы проверить, как исполняются указы Шаха.

Омар Хайям. Но их всегда узнают, народ падает перед ними на колени.

Ахмад. А Шах, как ребёнок, считает, что так и должно быть.

Омар Хайям. Очень уж печальны их фигуры, Ахмад.

Ахмад. Они не привыкли ходить пешком. Должно быть, сильно устали.

Омар Хайям. Нет, тут дело в другом...

Шах и Визирь подходят к Омару Хайяму и Ахмаду. Ахмад низко кланяется, Омар Хайям едва наклоняет голову.

Омар Хайям. Да продлятся годы твои, обладатель власти и могучей силы. Здравствуй, Визирь. Всё готово для вашего отдыха. Подкрепитесь фруктами и шербетом.

Омар Хайям и Ахмад усаживают Шаха и Визиря за достархан. Ахмад в позе охранника становится за спиной.

Шах. О, мои бедные ноги! Сегодня я обошёл полгорода...

Омар Хайям. Шах, разве твои слуги не докладывают тебе о состоянии дел?

Шах. Они все лжецы и воры. Я устал рубить им головы.

Омар Хайям. Ты можешь остаться без слуг, мой Шах.

Шах. Это не так страшно, Омар Хайям. Страшнее другое.

Омар Хайям. Что-то случилось, мой повелитель?

Шах. Печаль поселилась в моём доме. Умерла любимая жена, и моё сердце – сплошная, кровоточащая рана.

Омар Хайям. Сочувствую твоему горю, повелитель.

Шах. Омар Хайям, ты искусный врач. Ты совершил много чудес, возвращая к жизни моих детей, когда они болели. Можешь ли ты воскресить мою любимую жену? Красивее и умнее её не было женщины на всём свете.

Омар Хайям (после некоторого раздумья). Могу, мой Шах.

Шах. Можешь?!

Омар Хайям. Но при одном условии...

Шах. Я выполню любое твоё условие. Говори же, не медли!

Омар Хайям. Хорошо. Вот моё условие: приведи ко мне мужчину твоего возраста, который ни разу не пережил горя.

Новый Визирь. Великий Шах, но это невозможно!

Шах. Похоже, ты шутишь над моим горем? Даже я, великий Шах, не смогу выполнить твоё условие.

Омар Хайям. Я не шучу. Это, действительно, невозможно. Как невозможно оживить и твою любимую жену, мой Шах. Из царства мёртвых нет возврата.

Шах. Что же мне делать, посоветуй? Я лишился последней радости.

Омар Хайям. Наведи порядок в храме своего сердца, мой повелитель. И к тебе придёт облегчение.

Шах. Но как? Тяжесть давит мне на сердце...

Омар Хайям. Ты спрашиваешь моего совета?.. Тогда вспомни свои прежние деяния, раскайся в поступках, которые принесли кому-то зло. Ибо зло имеет свойство возвращаться к такому человеку. Когда ты поймёшь своё прошлое, ты получишь утешение в будущем, мой господин.

Шах. Я не причинял зла, мой народ благодарен мне за всё.

Визирь. В знак благодарности народ падает на колени перед своим Шахом.

Шах. Сегодня люди целовали край моей одежды.

Омар Хайям. Разве может быть иначе, мой Шах? Ведь ты – правитель могучей страны.

Шах. Омар Хайям, ты поэт, и ты стал сердцем моей страны. Я признаю это. Твои стихи и стар и млад заучивают наизусть.

Омар Хайям. Время решит, кто поэт, а кто всего лишь стихоплёт.

Шах. Ахмад, знаешь ли ты титулы своего господина?

Ахмад. Знаю наизусть.

Шах взмахом руки приказывает говорить.

Ахмад. Имам Хоросана, Учёный муж века, Доказательство истины, Знаток греческой науки, Царь философии Востока и Запада.

Омар Хайям. Видишь, Шах, здесь нет титула поэта.

Шах. Это ошибка, Омар Хайям.

Омар Хайям. Если это ошибка, её исправит время. Когда я забавляюсь, я пишу стихи. В остальное время я работаю, не покладая рук.

Шах. Многих учёных, я знаю, объявляют еретиками. Но я не позволил никому усомниться в твоих трудах. Я построил для тебя лучшую во всей подлунной обсерваторию, и сейчас имею самый точный солнечный календарь. Астрологические таблицы ты назвал моим именем и тем увековечил меня.

Омар Хайям. Да продлятся годы твои, мой господин. К сожалению, наша церковь многие годы пыталась сделать из меня еретика и вероотступника. Возможно, меня давно закидали бы камнями на рыночной площади. Всё это сущая правда. Лишь благодаря твоим попечениям и твоему щедрому покровительству, я до сих пор жив, и моя работа продолжается. Не далее, чем вчера в обсерваторию приходил с многочисленной свитой наш главный муфтий. Он сам, несмотря на преклонный возраст, поднимался к телескопу, разглядывал звёзды и задал множество вопросов. Кажется, впервые мы начали понимать друг друга. Но это всё благодаря тебе. Ты сам увековечил своё доброе имя.

Шах (*в глубокой задумчивости*). Моё доброе имя?.. Кажется, я начинаю понимать тебя, Хайям. И себя тоже. (*После паузы. Обращается к Визирю.*) Скажи, Визирь?

Визирь. Я слушаю, о, повелитель.

Шах. Стариков, после семидесяти, до сих пор отправляют в пустыни?

Визирь. Каждый год. Уже в течение двадцати лет.

Шах. А вода?.. Люди по-прежнему платят за воду?

Визирь. Это так. За каждый второй кувшин.

Шах. Вели отменить оба Указа...

Омар Хайям. Да сделает тебя Аллах счастливым, повелитель!

Низко кланяется Шаху. Эльти незаметно проходит мимо с кувшином, она идёт за водой.

Шах. Кое-какие из прежних глупостей я постараюсь исправить. Но довольно. Лучше поведай о своих делах, Омар Хайям.

Омар Хайям. На днях я закончу писать новый учебник алгебры, мой повелитель.

Шах. Пришли его мне, мои сыновья должны упражняться.

Омар Хайям. У твоих сыновей острый ум, учебник пойдет им на пользу.

Шах. Семерых сыновей мне родила моя любимая жена. Я построю в память о ней роскошную гробницу и буду уединяться там со своими печальями... Пойдём, Визирь. У нас ещё много дел.

Омар Хайям. Пусть дорога покажется вам лёгкой.

Шах и Визирь уходят.

Омар Хайям. Ахмад, позови Эльпи.

Ахмад. Хозяин, я видел, как она взяла кувшин и ушла за водой.

Омар Хайям. Пойди и встреть её.

Ахмад. Слушаюсь, хозяин.

Ахмад уходит. За спиной Омара Хайяма видно зарево пожара, издалека доносятся заполошные крики. Приходит Ахмад, он несёт на руках безжизненное тело Эльпи.

Ахмад. Хозяин, это Хусейн... он убил её и поджог обсерваторию.

Омар Хайям. О горе мне! Моя любимая Эльпи! Где этот безумец?

Ахмад. Себя он тоже убил, хозяин.

Ахмад кладёт Эльпи к ногам Омара Хайяма. Девушки играют на ситарах. Омар Хайям стоит на коленях перед Эльпи, закрыв лицо ладонями. Звучит закадровый голос:

Я познание сделал своим ремеслом,

Я знаком с высшей правдой и низменным злом.

Все тугие узлы я распутал на свете,

Кроме смерти, завязанной мёртвым узлом.

Затемнение.

Картина 2.

*Спустя еще двадцать лет...
Двор около дома Омара Хайяма. Седой Омар Хайям сидит печальный на ковре, перед ним фрукты и вино. Приходит Ахмад, он несёт письмо.*

Омар Хайям. Что там, Ахмад?

Ахмад. Тебе письмо, мой господин.

Омар Хайям. От кого?

Ахмад. От имама и судьи из южной провинции Ирана, мой господин.

Омар Хайям. Читай.

Ахмад. «Царю философии Запада и востока Гияс - аддину – Абу – ль - Фатху-Омару - ибн Ибрагиму аль - Хайяму. Просим объяснить, как он понимает мудрость Аллаха в сотворении мира и сотворении человека и признаёт ли необходимость молитв?»

Омар Хайям. Я – ученик и последователь Авиценны, признаю существование Бога как первопричину всего сущего. Но конкретный порядок явлений – не есть результат божественной мудрости, а определяется в каждом частном случае законами самой природы.

Ахмад. Хозяин, ты когда-то написал: «Те, что веруют слепо, пути не найдут...»

Омар Хайям. Что же там дальше?.. Тех, кто мыслит, сомнения вечно гнетут... Я мыслю, и меня всегда гнетут сомнения.

Ахмад. Ты мыслишь как учёный, а видишь мир как поэт.

Омар Хайям. Это всего лишь необходимое для ученого сочетание разных способов познания. Но есть вещи бесспорные. И я точно знаю - Аллахом на мусульманина наложено пять обязанностей: вера – шахада, молитва – салат, пост – саум, милосердие – садака и хадж... Ахмад, напomini мне еще раз мои титулы.

Ахмад. Имам Хоросана, Учёнейший муж века, Доказательство Истины, Царь философии Востока и Запада, знаток греческой науки...

Омар Хайям. У меня нет титула «хаджи».

Ахмад. Хозяин, только тот, кто совершил паломничество в Мекку и Медину имеет право на титул «хаджи» и ношение зелёной чалмы.

Омар Хайям. Я должен совершить хадж. Это мой пятый и самый важный долг. О Боже, ты знаешь, что я познал тебя в меру своих сил. Прости мои грехи. Моё знание тебя - мой путь к тебе.

Омар Хайям спускается со сцены в зал и уходит.

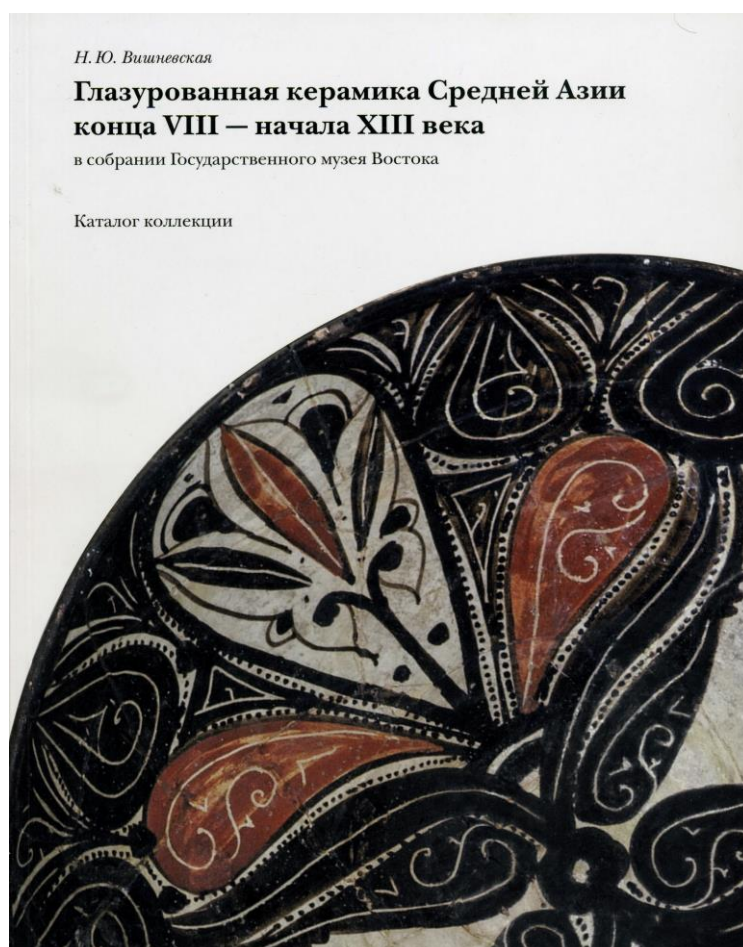
КОНЕЦ

Новые издания

Сергей Яценко

**Новая книга по художественной керамике раннеисламской
Средней Азии**

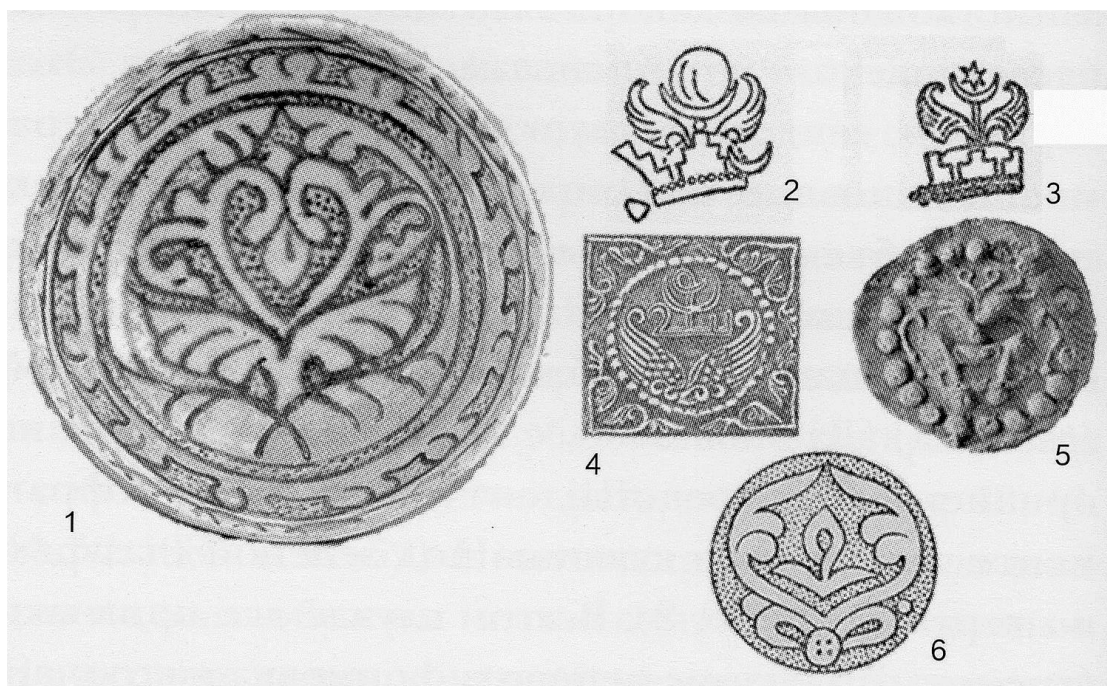
В мае 2018 г. в Москве была издана долгожданная многими книга. Это каталог (с надлежащими комментариями) 203 наиболее интересных образцов раннеисламской художественной керамики из коллекции Государственного музея Востока в Москве. Книга написана музейным хранителем и исследователем этой знаменитой

коллекции – археологом Надеждой Юрьевной Вишневской, которая с юности активно участвовала в раскопках в оазисах Средней Азии, а с 1982 г. работает в Отделе археологии музея. Здесь впервые подробно рассказывается о знаменитом собрании художественной керамики, найденной на территории Средней Азии и собираемой Музеем с 1927 г. В него вошли и крупные частные коллекции, купленные или подаренные Музею Востока (особенно важны были собрание Бориса Кастальского из Самарканда, приобретенное в 1933 г., и коллекция Николая Филиппова из Москвы, купленная к 2006 году), и материалы раскопок знаменитой Хорезмской экспедиции Академии наук, а также Среднеазиатской экспедиции Музея.

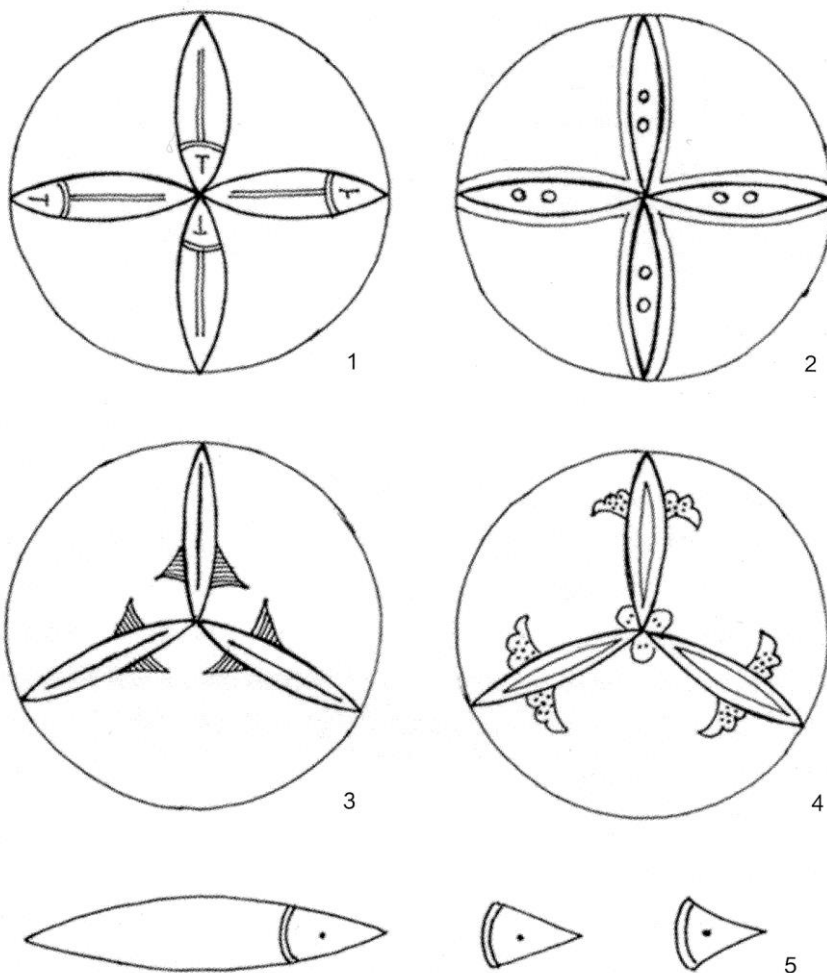
Книга Надежды Вишневской это, прежде всего, классическое музейное описание коллекции художественной керамики от времени утверждения здесь в VIII в. Арабского халифата до монгольского завоевания края в начале XIII в.² Много внимания в ней уделено классификации и датировке художественных изделий средневековых гончаров. Среди найденных в городах Средней Азии есть и продукция мастеров из Ирана (ранняя – из Суз, более поздняя – из Нишапура), но преобладает посуда, созданная в городах Мавереннахра – Самарканде, Бинкете (Ташкент), в городах Хорезма и Ферганы. В это время в них была высока доля древнего иранского населения. Особенно много в этой коллекции керамики, произведенной в X в., когда после падения власти арабов, в державе Саманидов происходит своеобразное

² Вишневская Н.Ю. Глазурованная керамика Средней Азии конца VIII – начала XIII века в собрании Государственного музея Востока. Каталог коллекции. М.: Государственный музей Востока, 2018. 156 с., 203 цветных и 19 черно-белых таблиц. ISBN -978-5-9909221-8-1.

«иранское возрождение», возрос интерес к древним сасанидским и местным иранским мотивам (стилизованным павлинам с ожерельем в клюве, диску с крыльями, фигурам трех-четырёх рыб и другим), при этом популярными становятся и арабские афоризмы: «Благороднейшее из богатств – воздержание от желаний», «Щедрость – одно из душевных качеств обитателей Рая», «Послужи – и тебе послужат» и другие. Здесь немало утонченных подражаний благородным изделиям из металлов, часто орнаментом также служит нечитаемые подражания арабским надписям (мастер явно не знал арабского). В каталоге Музея Востока прекрасный мир талантливых керамистов находит свое яркое воплощение. Читателю будут интересны комментарии автора о смысле отдельных сюжетов, об стилистических аналогиях. От души желаю приятного знакомства с этой книгой!

мотив сасанидского диска с крыльями.

стилизованнные фигуры рыб.

блюдо из Бинкета (Ташкента) X в. с арабской надписью
«Безопасность заключается в молчании, и только речь обнаруживает
человека с недостатками».

Иранская кухня

Иранская сладость зульбия

Зульбия — традиционная иранская сладость. Готовят ее в большом количестве сиропа, главными ингредиентами которого являются розовая вода и шафран. Зульбия считается практически самым популярным сладким блюдом в священный месяц Рамадан.

Ингредиенты:

- 255 грамм кукурузного крахмала
- 255 грамм творожного сыра
- 1, 1/4 стакана сахара
- 3 столовые ложки розовой воды
- 1/4 стакана розовой воды

- 3 столовые ложки мёда
- 1/2 чайной ложки лимонной кислоты
- 1/2 чайной ложки пищевой соды
- 1 столовая ложка муки
- 1/4 чайной ложки шафрана
- растительное масло

Способ приготовления:

1. Завариваем шафран в 2-х столовых ложках кипятка в течение 30 минут.
2. Смешиваем кукурузный крахмал, сыр, муку и 3 столовые ложки розовой воды. Тщательно перемешиваем (можно миксером). Накрываем крышкой, оставляем на ночь или как минимум на 3 часа при комнатной температуре.
3. Для сиропа в отдельной миске смешиваем сахар, 1/3 стакана воды, 1/4 стакана розовой воды, мёд, заваренный шафран и лимонную кислоту, тщательно перемешиваем.
4. Перемещаем сироп в кастрюлю, ставим на средний огонь, готовим, пока сахар полностью не растворится.
5. К смеси с крахмалом добавляем пищевую соду и примерно 1/4 стакана воды, тщательно перемешиваем. Должна получиться консистенция, как указано в видео.
6. Помещаем тесто в кондитерский мешок. Наливаем в сковороду растительного масла, нагреваем, добавляем тесто. Можно поместить формочку для яичницы, и выдавливать тесто в нее, чтобы оно не растекалось по всей сковороде. Поджариваем до золотистого цвета, переворачиваем, если нужно.

7. Помещаем зульбию на несколько минут в сироп. Вытаскиваем, оставляем остывать.

Источник: Иран Сегодня